Товар №8.

Исповедь проданного детства

Лео Уэст

Данная книга является художественным произведением. Все персонажи, названия организаций, учреждений и мест являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими) и организациями являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Пролог

Глава 1: Шепот на Кухне

Глава 2: Стена Молчания

Глава 3: Ночь Огня

Глава 4: Разбитая Дверь

Глава 5: Дом «Бога»

Глава 6: Товар

Глава 7: Изумрудная комната

Глава 8: Четвертый Рейх

Эпилог: Вопрос Совести

Пролог

В тот день мир пах ванилью и плавящимся воском. Это был запах абсолютного, концентрированного счастья, которое бывает только в восемь лет, когда ты точно знаешь, что вселенная создана исключительно для тебя. Анна сидела во главе стола, болтая ногами в белых колготках, и смотрела на торт. Восемь свечей. Восемь маленьких маяков в полумраке гостиной.

— Загадывай, Анюта! — голос папы звучал мягко, обволакивающе. Он стоял за ее спиной, и Анна чувствовала его тепло, надежное, как каменная стена.

Рядом сидел брат. Ему было двенадцать, и он старался выглядеть взрослым и серьезным, но уголки его губ предательски ползли вверх. Он подмигнул ей, и Анна хихикнула, прикрыв рот ладошкой. Мама поправляла скатерть, ее глаза сияли, отражая огоньки свечей. В комнате было так тихо и уютно, что казалось, время остановилось, решив навсегда сохранить этот момент в памяти.

Анна зажмурилась. В темноте под веками вспыхивали разноцветные пятна. Чего она хотела? Новую куклу? Велосипед? Нет. В тот момент, окруженная любовью, она интуитивно, своим детским чутьем, поняла самое главное.

«Пусть так будет всегда», — прошептала она про себя. — «Пусть мы всегда будем вместе».

Она набрала в грудь побольше воздуха и дунула. Огоньки дрогнули и погасли. Тонкая струйка дыма потянулась к потолку, растворяясь в воздухе.

— Ура! — закричали все хором.

Включился свет. Яркий, обыденный электрический свет, который на секунду ослепил ее. Папа подхватил ее на руки и закружил. Анна

смеялась, запрокинув голову, и потолок кружился вместе с ней — люстра, старая лепнина, тени по углам. Все казалось таким прочным, таким незыблемым.

Они не знали. Никто из них в ту секунду не знал, что этот ванильный запах был прощальным подарком судьбы. Они не знали, что за окнами их уютной квартиры, там, где начинался большой и холодный город, шестеренки огромного, безжалостного механизма уже пришли в движение. Где-то в кабинетах уже были подписаны бумаги. Где-то в типографиях уже печатались статьи, в которых их семью называли «опухолью». Где-то люди в серых костюмах уже решали, что любовь этих родителей — преступление, а эти дети — не дети вовсе, а «жертвы ментального насилия», подлежащие «спасению».

Анна ела торт, пачкая кремом нос, и слушала, как папа рассказывает смешную историю с работы. Брат подкладывал ей самые вкусные кусочки фруктов. Мама смеялась своим звонким смехом.

Это был последний день той жизни, где они были еще людьми. Завтра начнется другая эра. Эра, где у них отнимут имена и присвоят ярлыки. Эра, где любовь объявят фанатизмом, а веру — экстремизмом.

В тот вечер, укладывая Анну спать, мама долго сидела на краю кровати. Она гладила дочь по волосам и тихо напевала мелодию без слов. Анна уже проваливалась в сон, когда услышала, как изменился ритм маминого дыхания. Она приоткрыла один глаз и увидела, что мама не поет. Она смотрит в темное окно, и по ее щеке медленно катится слеза.

— Мам? — сонно пробормотала Анна. — Ты чего?

Мама вздрогнула, быстро вытерла щеку и улыбнулась той особенной улыбкой, которая должна успокаивать, но почему-то вызывает тревогу.

— Ничего, родная. Спи. Просто… просто я очень тебя люблю.

— И я тебя, — прошептала Анна, закрывая глаза.

Она не знала, что мама плакала от страха. Она не знала, что сегодня днем, пока Анна была в школе, маме позвонили и сказали страшные слова, смысла которых девочка еще не понимала. «Лишение прав». «Секта». «Изъятие».

Ночь опустилась на город. В детской было тихо, только тиканье часов отмеряло уходящие секунды безопасности. Анна спала, обнимая плюшевого медведя — подарок брата. Ей снилось поле, залитое солнцем, где они всей семьей запускают воздушного змея.

А в темноте коридора родители стояли обнявшись, не включая свет, и слушали тишину. Они слушали, как к их дому, к их двери, к их детям подступает нечто древнее и злое, что лишь сменило униформу, но не сменило суть. Нечто, что питается разрушенными судьбами.

Глава 1: Шепот на Кухне

Кухня всегда была сердцем их квартиры. Местом, где пахло свежесваренным кофе, яблочным пирогом и тем особым, неуловимым ароматом уюта, который невозможно купить в магазине или создать искусственно. Здесь, за круглым деревянным столом, покрытым скатертью в мелкую клетку, решались все мировые проблемы — от сломанной куклы до планов на летний отпуск. Но спустя всего неделю после восьмилетия Анны воздух на кухне изменился. Он стал густым, вязким, словно наэлектризованным невидимой грозой.

Анна сидела на полу в гостиной, раскрашивая принцессу в альбоме, но её чуткие уши были настроены на то, что происходило за приоткрытой дверью кухни. Там не было привычного звона посуды или смеха. Там был шепот.

— …они опубликовали адрес, Андрей. Полный адрес, вплоть до номера квартиры, — голос мамы дрожал, срываясь на ноты, от которых

у Анны холодело в животе. — И фотографии. Где они их взяли? Это же с пикника в прошлом году.

— Тише, Лена, дети услышат, — голос папы звучал глухо, будто он говорил через подушку. — Это просто газета. Желтая пресса. Никто не воспринимает это всерьез.

— Никто? — мамин шепот стал громче, превращаясь в сдавленный крик. — Соседка с третьего этажа сегодня не поздоровалась со мной. Она отвернулась, Андрей! А продавщица в хлебном смотрела так, будто я украла у неё кошелек. Они написали, что мы… что мы опасны.

Анна отложила фломастер. Слово «опасны» повисло в воздухе, тяжелое и непонятное. Она посмотрела на свои руки, испачканные розовой краской. Разве эти руки могут быть опасными? Она посмотрела на брата. Двенадцатилетний Максим сидел в кресле с книгой, но Анна видела, что он не читает. Его глаза застыли на одной строчке, а костяшки пальцев, сжимающих переплет, побелели. Он тоже слушал.

Максим был старше и понимал больше. Он уже видел то, что родители пытались спрятать. Вчера он нашел газету, которую отец поспешно выбросил в мусорное ведро, скомкав страницы. Максим разгладил их, когда родители ушли спать. На развороте была статья. Заголовок был набран жирным, кричащим шрифтом, похожим на удар хлыста: «ВРАГИ СРЕДИ НАС». А под ним — фотография их семьи. Та самая, где они смеются, запуская воздушного змея. Но кто-то в редакции обвел их лица красными кругами, словно мишени в тире.

В статье не было правды. Там говорилось о каких-то темных ритуалах, о контроле сознания, о том, что такие семьи, как их, — это раковая опухоль на теле общества. Максим читал и чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Там было написано, что их родители — не любящие мама и папа, а «вербовщики», а они с Анной — «жертвы ментального насилия», которых нужно спасать.

— Максим? — тихо позвала Анна. — Почему мама плачет?

Брат вздрогнул и посмотрел на сестру. В его взгляде Анна увидела что-то новое, взрослое — смесь страха и решимости защищать.

— Просто… у неё болит голова, Аня. Рисуй дальше.

Но рисовать не хотелось. Вечером, когда семья собралась у телевизора, напряжение достигло пика. Обычно они смотрели познавательные передачи о животных или мультфильмы, но в последние дни отец с маниакальным упорством переключал каналы новостей, словно ожидая удара. И удар последовал.

На экране появился ведущий с идеально уложенными волосами и лицом, выражающим скорбную озабоченность. За его спиной мелькали кадры: взрывы, люди в масках с оружием, разрушенные здания.

— Терроризм меняет лицо, — вещал голос из телевизора, бархатный и убедительный. — Мы привыкли искать врага на границах, но что, если враг уже в вашем доме? Что, если он живет на вашей лестничной клетке, улыбается вам при встрече, но в тайне готовит уничтожение наших традиций?

Картинка сменилась. Теперь на экране показывали людей, сидящих в зале и читающих Библию. Это были обычные люди, похожие на родителей Анны. Но музыка за кадром стала тревожной, низкой, вибрирующей, создавая ощущение надвигающегося кошмара.

— Тоталитарные секты, — произнес ведущий, смакуя каждое слово, как будто выплевывал грязь. — Эксперты предупреждают: под маской мирной религии скрывается деструктивный культ.

В студии появился «эксперт». Мужчина с колючим взглядом и нервными движениями рук. Титр внизу экрана гласил: «Специалист по сектоведению». Он говорил быстро, рубя воздух ладонью.

— Они используют термин «религия» как прикрытие! — почти кричал он. — Но на самом деле это организации, построенные по принципу мафии. Они зомбируют людей. Они разрушают семьи. И самое страшное — они калечат детей.

Анна увидела, как папа потянулся к пульту, чтобы выключить звук, но его рука замерла. Он не мог оторвать взгляд от экрана.

— Послушайте, — продолжал эксперт, наклоняясь к камере, словно заглядывая прямо в душу каждому зрителю. — Мы не должны быть наивными. Вспомните историю. Фанатизм всегда приводит к крови. Неважно, что они говорят о любви. Их дела говорят об обратном.

И тут на экране возникла чудовищная склейка. Кадры мирного богослужения резко сменились кадрами последствий теракта в метро, совершенного какой-то радикальной группировкой на другом конце света. Дым, кровь, паника. А голос за кадром продолжал говорить о «Свидетелях Иеговы», создавая в мозгу зрителя неразрывную связь: эти люди с Библиями = террористы с бомбами.

Это был метод «вины по ассоциации», виртуозно исполненный трюк пропаганды. Никто не говорил прямо, что родители Анны взрывали метро. Но картинки были смонтированы так, что подсознание ставило знак равенства.

— В 1993 году, — вдруг процитировал ведущий слова какой-то американской журналистки, — двухлетний член секты был застрелен в перестрелке. Вы слышите? Двухлетний! Это не религия, это полигон смерти!

Мама ахнула и закрыла рот рукой. Папа резко нажал кнопку. Экран погас, но ядовитые слова остались висеть в комнате. «Двухлетний член секты». «Перестрелка». «Смерть».

— Это ложь, — тихо сказал папа в наступившей тишине. — Это гнусная, чудовищная ложь. Они берут факты из одного места, приклеивают к нам, перемешивают с выдумками…

— Но люди верят, Андрей! — мама вскочила с дивана, её глаза были полны слез. — Люди верят телевизору больше, чем собственным глазам! Ты видел, как на нас смотрели сегодня? Они уже не видят нас. Они видят то, что им показал этот… этот эксперт.

Анна сползла с дивана и подошла к маме. Она обняла её за ноги, прижавшись щекой к мягкой ткани домашнего платья.

— Мамочка, мы секта? — спросила она.

Это слово было новым для неё. Оно звучало колюче. Она не знала его значения, но чувствовала, что оно несет в себе угрозу.

Родители замерли. Папа опустился на колени перед дочерью, взяв её маленькие ладошки в свои большие, теплые руки.

— Нет, солнышко, — твердо сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Мы — христиане. Мы любим Бога и стараемся жить по Его заповедям. А «секта» — это плохое слово, которым злые люди обзывают тех, кого не хотят понимать. Это как... помнишь, в школе мальчика дразнили «очкариком»? Это не значит, что он плохой. Это значит, что те, кто дразнится, невоспитанные.

— Но по телевизору сказали, что мы опасные, — прошептала Анна.

— Телевизор иногда ошибается, — папа попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой, болезненной. — Люди боятся того, чего не знают. Они придумали страшилку и сами в неё поверили.

Максим, стоявший у окна, вдруг резко задернул шторы.

— Пап, там машина, — сказал он напряженным голосом. — Полицейская. Она стоит у подъезда уже час.

Отец мгновенно выпрямился, его лицо окаменело. Он подошел к окну и осторожно, через щель в шторах, выглянул на улицу. В свете фонаря действительно стоял патрульный автомобиль. Внутри никого не было видно, но сам факт его присутствия, казалось, давил на стекла квартиры.

В ту ночь Анна долго не могла уснуть. Она лежала в своей кровати, обнимая плюшевого медведя, и слушала звуки дома. Раньше эти звуки успокаивали: гудение холодильника, тиканье часов, шаги соседей сверху. Теперь каждый звук казался предвестником беды.

Она слышала, как родители снова шепчутся на кухне. Дверь была закрыта плотнее, но отдельные фразы просачивались сквозь щели.

— …лишение родительских прав… — донесся голос отца. — Статья 156… неисполнение обязанностей… жестокое обращение…

— Какое жестокое обращение?! — мамин голос сорвался на плач. — Мы любим их больше жизни! Мы читаем им книги, мы возим их на море!

— Для них вера — это жестокое обращение, Лена. Они называют это «психологическим насилием». Они говорят, что мы лишаем детей детства, запрещая им… я не знаю, праздновать Хэллоуин или смотреть фильмы ужасов. Они извращают всё. Любовь называют насилием, заботу — контролем.

— Что нам делать? — в голосе мамы звучало отчаяние загнанного зверя. — Если они придут… если они попытаются забрать детей…

— Мы наймем адвоката. Мы будем бороться. Мы ничего не нарушили. Конституция на нашей стороне.

— Конституция? — горько усмехнулась мама. — Андрей, ты слышал того человека по телевизору? Он назвал нас «тоталитарной сектой». Это клеймо. Как желтая звезда. Только её не нужно нашивать на одежду, её выжигают прямо на лбу, в глазах общества. Для них мы уже не граждане. Мы — «элементы».

Анна зажмурилась. Ей представилось, что на лбу у папы горит огненная звезда. Страшная, обжигающая. Она вспомнила, как сегодня утром, когда они шли в школу, соседка тетя Валя, которая всегда угощала её конфетами, быстро перешла на другую сторону улицы, сделав вид, что ищет что-то в сумке. Анна хотела поздороваться, но слова застряли в горле. Тетя Валя боялась. Она боялась маленькую восьмилетнюю девочку с косичками.

Это было самое странное и страшное открытие. Мир перевернулся. Вчера Анна была просто девочкой, а сегодня она стала чем-то иным. «Товаром №8» — так она, конечно, еще не думала, но ощущение, что её

оценивают, взвешивают и обсуждают чужие, враждебные люди, уже поселилось в её сердце.

На следующий день в школе все было как обычно, и в то же время — совершенно иначе. Учительница, Мария Ивановна, вызвала Анну к доске. Анна знала урок, она всегда училась хорошо. Но когда она начала отвечать, Мария Ивановна не слушала. Она смотрела на Анну с брезгливым любопытством, словно разглядывала экзотическое насекомое под микроскопом.

— Достаточно, — прервала она Анну на полуслове. — Садись. Три.

— Почему три? — удивилась Анна. — Я же все рассказала правильно.

— Ты рассказала текст, — холодно ответила учительница, поправляя очки. — Но ты не понимаешь сути. У тебя… искаженное восприятие реальности. Это, видимо, семейное.

Класс захихикал. Анна не поняла, что значит «искаженное восприятие», но тон учительницы был таким уничижительным, что щеки девочки вспыхнули огнем. Она шла к своей парте, чувствуя спиной десятки взглядов. Кто-то подставил ей подножку. Анна споткнулась, но удержалась на ногах.

— Осторожнее, сектантка, — прошипел голос с задней парты. Это был Витька, главный хулиган класса. Раньше он просто дергал её за косички, но теперь в его голосе была не детская шалость, а взрослая, скопированная у кого-то злоба.

«Сектантка». Опять это слово. Оно преследовало её, как злая тень.

Вечером Максим показал ей экран своего телефона. Они спрятались в детской, под одеялом, создав свой маленький безопасный мир.

— Смотри, Аня, — прошептал он. — Это городской форум.

Анна вгляделась в мелкие буквы.

«Гнать их надо из города!» — писал пользователь с ником Patriot. «Почему опека спит? Детей надо спасать от этих фанатиков!» — возмущалась Мама_двух. «Я знаю, где они живут. Улица Ленина, дом 15. Давайте соберемся и поговорим с ними по-мужски», — предлагал кто-то под ником Каратель.

— Это про нас? — спросила Анна, чувствуя, как ледяной холод пробирается под пижаму.

— Да, — кивнул Максим. — Они обсуждают нас, как будто мы преступники. Они пишут, что папа — вербовщик, а мама — сумасшедшая.

— Но это неправда! — воскликнула Анна, забыв про шепот.

— Им не нужна правда, — Максим выключил телефон, и темнота под одеялом стала абсолютной. — Им нужен враг. Папа объяснял мне. Это называется «дегуманизация». Сложное слово, да? Это когда людей перестают считать людьми. Когда нас называют «сектантами», «зомби», «биороботами» — это для того, чтобы остальным было не жалко нас обижать. Если ты человек — тебя бить нельзя. А если ты «сектант» — то можно, и даже нужно. Ради «спасения».

Анна заплакала. Тихо, беззвучно, глотая соленые слезы. Ей было страшно не за себя. Ей было страшно за папу и маму. Она вспомнила слова из телевизора про «двухлетнего ребенка». Неужели эти люди, которые пишут в интернете, хотят сделать им больно?

— Не плачь, — Максим обнял её, неуклюже похлопывая по спине. — Я не дам тебя в обиду. Мы закроем дверь на все замки. Папа сильный.

Но Анна знала, что замки не помогут. Враг был не снаружи. Враг был везде. Он просачивался через экран телевизора, через страницы газет, через экраны смартфонов. Он был в глазах учительницы и в шепоте соседей. Он был в самом воздухе, которым они дышали.

Атмосфера в доме сгущалась с каждым днем. Родители перестали включать свет по вечерам, предпочитая сидеть в полумраке, словно

надеясь, что темнота сделает их невидимыми. Но невидимость была роскошью, которой их лишили.

Однажды вечером, когда мама готовила ужин, стараясь не греметь кастрюлями, в дверь позвонили. Звонок прозвучал резко, требовательно, разрезав тишину квартиры, как нож разрезает масло.

Все замерли. Папа, сидевший за столом с документами, медленно поднял голову. Мама выронила полотенце. Анна и Максим, игравшие на ковре, прижались друг к другу.

Никто не пошел открывать.

Звонок повторился. Длинный, настойчивый. А потом — тяжелый удар кулаком в дверь.

— Открывайте! Мы знаем, что вы там! — грубый мужской голос донесся с лестничной площадки. — Нам нужно поговорить о ваших детях!

Папа встал. Он был бледным, но спокойным. Он подошел к двери и посмотрел в глазок.

— Кто там? — спросил он, не открывая.

— Журналисты! Канал «Городская правда». Мы хотим взять интервью. Расскажите, как вы заставляете своих детей молиться? Правда ли, что вы переписываете квартиру на лидера секты? Откройте, общественность имеет право знать!

— Уходите, — твердо сказал папа. — Это частная собственность. Я вызову полицию.

За дверью рассмеялись. Смех был неприятным, лающим.

— Полицию? Вызывай, сектант! Посмотрим, на чьей стороне будет полиция. Мы еще вернемся. И не одни.

Шаги стихли. Но страх остался. Он заполнил каждый уголок квартиры. Анна поняла, что их дом больше не крепость. Их дом стал стеклянной клеткой, вокруг которой собралась толпа с камнями. И

первый камень уже был брошен — это было слово. Слово «секта», которое, как вирус, заразило умы людей, превратив добрых соседей в безжалостных судей.

Папа вернулся на кухню и сел за стол, обхватив голову руками. Мама подошла к нему и положила руки на плечи.

— Они не остановятся, Андрей, — прошептала она. — Они готовят почву. Я чувствую это. Они хотят забрать детей.

— Я не позволю, — глухо ответил отец. — Только через мой труп.

Анна вздрогнула. «Труп». Еще одно страшное слово в её новой коллекции. Она посмотрела на брата. Максим сидел неподвижно, глядя в одну точку. В его детских глазах отражалось понимание того, что детство закончилось. Началась война. Война без выстрелов, где оружием были ложь, клевета и ненависть. И в этой войне они были безоружны.

На столе, среди бумаг отца, лежала распечатка той самой статьи. Красный маркер, которым были обведены их лица, казался в полумраке похожим на кровь. Анна подошла и коснулась пальцем своего лица на бумаге.

— Я не хочу быть товаром, — прошептала она едва слышно, сама не понимая, откуда пришла эта мысль.

Но механизм уже был запущен. Шестеренки системы, смазанные ненавистью и равнодушием, начали вращаться, перемалывая судьбы. И где-то в высоких кабинетах уже лежала папка с их фамилией, на которой стоял невидимый штамп: «Подлежит изъятию».

Глава 2: Стена Молчания

Тишина в школе имеет свой вес. Она может быть легкой, предвкушающей звонок на перемену, или сосредоточенной, когда

тридцать ручек скрипят по бумаге во время контрольной. Но тишина, которая встретила Анну во вторник утром, была другой. Словно кто-то открыл окно в ледяную бездну прямо посреди школьного коридора.

Анна шла к своему классу, сжимая лямки розового рюкзака так сильно, что пальцы побелели. Обычно этот путь занимал две минуты и сопровождался десятком приветствий. «Привет, Ань!», «Ты сделала математику?», «Аня, давай меняться наклейками!». Сегодня коридор расступался перед ней, как Красное море, только вместо чуда здесь царил страх.

Дети, с которыми она еще в пятницу играла в догонялки, отводили глаза. Кто-то резко утыкался в телефон, кто-то начинал с преувеличенным интересом изучать расписание на стене. Анна заметила Катю, свою лучшую подругу, с которой они сидели за одной партой с первого класса. Катя стояла у подоконника в окружении других девочек. Анна, по инерции, улыбнулась и сделала шаг навстречу.

— Катя, привет! Я принесла ту книгу про единорогов, которую ты…

Катя вздрогнула, словно ее ударили током. Она подняла глаза, и в них Анна увидела не привычное тепло, а панику. Девочка быстро оглянулась по сторонам, словно проверяя, видит ли кто-то их контакт, и, не сказав ни слова, резко развернулась спиной. Группа девочек сомкнулась плотным кольцом, отрезая Анну от мира живых.

Это было хуже, чем крик. В восемь лет Анна впервые почувствовала на себе то, что взрослые называют «стигматизацией», хотя она не знала этого сложного слова. Она чувствовала себя так, будто на ее лбу действительно проступила невидимая, но жгучая метка. Желтая звезда, которую не нужно пришивать нитками — она пришита взглядами.

Урок «Окружающего мира» вела Мария Ивановна, педагог с тридцатилетним стажем, которая всегда гордилась своей объективностью. Но сегодня тема урока была необычной. На доске

мелом было выведено: «Безопасность в обществе: как распознать угрозу».

— Дети, — начала учительница, и ее голос звучал непривычно жестко, с металлическими нотками. — Мы живем в сложное время. Опасность может исходить не только от незнакомцев на улице, которые предлагают конфеты. Опасность может быть скрытой. Она может прятаться за улыбками, за словами о добре и даже за разговорами о Боге.

Анна сидела одна. Катя пересела на последнюю парту, сославшись на то, что «от окна дует». Вокруг парты Анны образовалась пустота — зона отчуждения радиусом в полтора метра.

— Существуют группы, — продолжала Мария Ивановна, расхаживая вдоль рядов и многозначительно поглядывая в сторону Анны, — которые называют себя религиозными, но на самом деле они разрушают личность. Они превращают людей в марионеток. В зомби. У таких людей нет своей воли. Они не любят Родину, они не уважают наши традиции. Они опасны, потому что могут затянуть вас в свои сети.

Класс замер. Дети, впитывающие каждое слово авторитетного взрослого, начали коситься на Анну. В их взглядах смешивались любопытство и брезгливость. Учительница не называла имен. Ей не нужно было этого делать. Все знали, о ком идет речь. Внедренные в школьную программу «методички по профилактике экстремизма», разработанные при участии антикультовых центров, работали безотказно. Они не учили детей критическому мышлению; они учили их искать врага.

— А как узнать такого человека? — спросил Витька с задней парты, тот самый, что вчера назвал Анну сектанткой.

— Хороший вопрос, Витя, — похвалила учительница. — Такие люди часто ведут себя обособленно. Они не празднуют наши праздники. Они считают себя лучше других. И самое страшное — их дети тоже заражены этими идеями. С ними нужно быть очень осторожными. Нельзя позволять им влиять на вас.

Анна опустила голову так низко, что нос почти коснулся тетради. Ей хотелось исчезнуть, раствориться, стать молекулой воздуха. Она не была зомби. Она любила маму и папу. Она любила рисовать и кормить уток в парке. Почему Мария Ивановна говорит про нее такие страшные вещи? Почему она делает из нее монстра?

В это же время, двумя этажами выше, двенадцатилетний Максим стоял в кабинете школьного психолога. Это была маленькая комната с мягкими креслами и плакатами о доверии на стенах, но сейчас она напоминала комнату для допросов.

Психолог, молодая женщина с холодными глазами, листала папку с личным делом Максима. На столе перед ней лежал распечатанный скриншот из какой-то статьи про «скулшутинг» — стрельбу в школах.

— Максим, — начала она вкрадчиво, не поднимая глаз от бумаг. — Учителя говорят, ты стал замкнутым. Не общаешься с ребятами на переменах.

— Со мной никто не общается, — глухо ответил Максим. — Они называют меня террористом.

— А почему они так тебя называют? — психолог наконец посмотрела на него. В ее взгляде не было сочувствия, только профессиональная настороженность охотника, выслеживающего дичь. — Может быть, ты даешь повод? Твоя семья... у вас ведь специфические взгляды.

— Мы просто верующие, — Максим сжал кулаки под столом. — Это не преступление.

— Вера бывает разной, Максим. Есть вера, которая учит любви, а есть фанатизм, который толкает на страшные вещи. Нам прислали рекомендации из Министерства. Там сказано, что дети из... определенных групп риска могут быть склонны к агрессии. К насилию.

Она пододвинула к нему лист бумаги и карандаш.

— Нарисуй свою семью. И дом.

Максим знал этот тест. Он знал, что если нарисует дом черным цветом или забудет нарисовать уши у людей, это будет истолковано против него. Он взял карандаш, но рука дрожала.

— Ты слышишь голоса? — вдруг спросила психолог. Вопрос прозвучал буднично, как вопрос о погоде.

— Что? Нет!

— Не нужно стесняться. Дети, которые подвергаются интенсивному религиозному внушению, часто теряют связь с реальностью. У них развивается биполярное расстройство, депрессия. Им кажется, что мир враждебен, и они хотят… защищаться.

Максим понял, к чему она клонит. Она не пыталась помочь ему справиться с травлей. Она искала подтверждение теории, которую вычитала в антикультовой брошюре. Теории о том, что любой ребенок из «секты» — это потенциальный убийца, бомба замедленного действия. Она пыталась примерить на него профиль «скулшутера», игнорируя тот факт, что он никогда в жизни не дрался первым.

— Я нормальный, — твердо сказал Максим, глядя ей прямо в глаза. — А вот то, что вы делаете — это ненормально.

Психолог поджала губы и сделала пометку в блокноте. Максим успел заметить слово «агрессия» и «отрицание». Система образования, призванная защищать детей, превратилась в механизм фильтрации, где «неправильные» дети подлежали выбраковке.

Тем временем отец Анны и Максима, Андрей, собирал свои вещи в картонную коробку. Его офис, стеклянный и современный, с видом на центр города, казался теперь чужим аквариумом.

Час назад его вызвал начальник. Разговор был коротким и вежливым, до тошноты вежливым.

— Андрей, ты отличный специалист. Лучший в отделе логистики. Но… ты же понимаешь ситуацию.

— Какую ситуацию? — Андрей пытался держать лицо, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Звонки. Письма. Нам звонили какие-то активисты. Угрожали пикетами у входа в офис. Говорили, что мы спонсируем экстремистов, выплачивая тебе зарплату.

— Это клевета. Я могу подать в суд.

— Суд — это время и репутация. Наши клиенты — серьезные люди. Им не нужен шум. Если в прессе появится заголовок «В компании N работает сектант», мы потеряем контракты. Ничего личного, Андрей. Просто бизнес. Мы выплатим тебе три оклада, если ты напишешь по собственному.

Андрей смотрел на человека, с которым проработал пять лет, с которым ходил на рыбалку и обсуждал футбол.

— Ты же знаешь, что это неправда, — тихо сказал Андрей. — Ты знаешь мою семью.

Начальник отвел взгляд и начал перекладывать бумаги на столе.

— Я знаю то, что говорят люди. И то, что пишут в газетах. Дыма без огня не бывает, Андрей. Подпиши здесь.

Андрей вышел из здания с коробкой в руках. Солнце светило ярко, но его лучи не грели. Он чувствовал себя прокаженным. Социальная изоляция не происходила мгновенно, она накатывала волнами. Сначала перестали здороваться соседи. Потом отвернулись друзья. Теперь работа. Кольцо сжималось. Его гражданские права, гарантированные Конституцией, рассыпались в прах перед лицом животного страха общества, накачанного пропагандой.

Вечером, когда дети уже спали (или делали вид, что спят), Лена, мама Анны, сидела на кухне с телефоном. Ее лицо было серым от усталости и ужаса. Она читала родительский чат класса Анны.

Обычно там обсуждали подарки учителям и экскурсии. Теперь чат превратился в трибунал.

Мама_Оли: *«Я не хочу, чтобы моя дочь сидела рядом с этой девочкой. Кто знает, чему ее учат дома? Вдруг она принесет в школу какую-нибудь литературу?»*

Папа_Игоря: *«Надо писать коллективное письмо директору. Пусть переводят ее на домашнее обучение. Школа — светское заведение, нам тут фанатики не нужны».*

Елена_Сергеевна (глава родкома): *«Я уже говорила с завучем. Они ищут юридические основания. Проблема в том, что формально они ничего не нарушили. Девочка учится хорошо, поведение примерное».*

Мама_Оли: *«Примерное поведение — это маскировка! Вы читали статью Дворкина? Они специально притворяются хорошими, чтобы втереться в доверие. Это называется «бомбардировка любовью». А потом — бац, и ваш ребенок уже в секте».*

Аноним: *«Гнать их надо. Если школа не решит вопрос, мы сами решим. Мой муж сказал, что не пустит сына в класс, пока там эта...»*

Лена читала, и буквы расплывались перед глазами. Это писали люди, с которыми она еще месяц назад обсуждала рецепты пирогов. Люди, которые улыбались ей на родительских собраниях. Теперь они превратились в стаю. Дегуманизация прошла успешно. Для них Анна больше не была восьмилетней девочкой с бантиками. Она стала «биологической угрозой», «вирусом», который нужно изолировать.

Лена хотела написать ответ. Написать, что Анна плакала сегодня весь вечер, потому что Катя не захотела с ней разговаривать. Написать, что они обычные люди. Но она понимала: это бесполезно. Любой ее ответ будет воспринят как агрессия или «сектантская пропаганда».

Она отложила телефон, словно он был раскаленным. В квартире было тихо, но это была тишина осажденной крепости. Стены, которые раньше защищали, теперь казались тонкими, как бумага.

В дверь детской тихонько постучали. Лена вздрогнула. На пороге стоял Максим.

— Мам, — прошептал он. — Меня сегодня вызывали к психологу.

Лена сжалась.

— Что она спрашивала?

— Спрашивала про голоса. И про оружие. Она думает, что я могу… сделать что-то плохое в школе.

Лена закрыла лицо руками. Слезы, которые она сдерживала весь день, хлынули потоком. Это было самое страшное. Не увольнение мужа, не косые взгляды соседей. Самое страшное — это то, что систему натравили на детей. Психологи, учителя, социальные педагоги — все те, кто должен был быть буфером, защитой, стали инструментами карательной машины.

Обществу нужен был враг, и антикультисты любезно предоставили его, указав пальцем на семью, чья единственная вина заключалась в том, что они молились иначе.

— Иди ко мне, — Лена раскрыла объятия, и Максим, уже такой взрослый, уткнулся ей в плечо, как маленький.

— Мы ведь не плохие? — спросил он глухо.

— Нет, сынок. Мы не плохие. Просто мир… мир заболел.

На следующий день Андрея вызвали в школу. Директор, грузный мужчина с усталым лицом, не предложил ему сесть. Он стоял у окна, глядя на школьный двор, где бегали дети.

— Андрей Николаевич, — сказал он, не оборачиваясь. — У меня на столе лежит двадцать заявлений от родителей. Они угрожают забрать детей из школы, если ваши дети останутся здесь.

— На каком основании? — голос Андрея был твердым, но внутри все дрожало. — Мои дети нарушили устав школы? Они кого-то обидели?

— Нет. Но вы создаете… нездоровую атмосферу. Социальное напряжение. Я не могу рисковать репутацией учебного заведения.

— Вы предлагаете мне лишить детей права на образование из-за сплетен?

Директор наконец повернулся. В его глазах не было злобы, только усталое равнодушие чиновника, который хочет избавиться от проблемы.

— Я предлагаю вам забрать документы. Добровольно. Перейдите на семейное обучение. Или найдите частную школу. Здесь им жизни не дадут. Учителя настроены… скептически. Дети — жестоки, вы же знаете. Я не смогу гарантировать безопасность вашего сына и дочери.

Это была угроза. Завуалированная, мягкая, но угроза. «Я не смогу гарантировать безопасность». Эти слова повисли в воздухе, как приговор. Государственная машина умывала руки, отдавая детей на растерзание толпе.

Андрей вышел из кабинета. В коридоре звенел звонок. Дети высыпали из классов, смеясь и толкаясь. Поток жизни, яркий и шумный. Андрей искал глазами своих детей. Он увидел Анну. Она стояла у стены, прижав к груди рюкзак, словно щит. Мимо нее пробегали одноклассники, словно она была невидимкой. Или призраком.

Один мальчик, пробегая мимо, нарочно задел ее плечом. Анна пошатнулась, но не упала. Она даже не подняла глаз. Она привыкала быть изгоем. Привыкала к тому, что ее существование — это ошибка в глазах окружающих.

Андрей почувствовал, как сжимаются кулаки. Он хотел броситься к ней, защитить, накричать на этих детей, на учителей, на директора. Но он понимал, что любой его крик будет использован против них. «Смотрите, агрессивный сектант напал на детей!» — напишут завтра газеты.

Он был бессилен. Стена молчания, выстроенная вокруг их семьи, превратилась в бетонный саркофаг. И воздух внутри заканчивался.

Вечером, когда семья собралась за ужином, никто не включал телевизор. Никто не хотел слышать новости. На столе лежал конверт.

Это было официальное письмо из органов опеки. «Уведомление о проведении плановой проверки жилищно-бытовых условий в связи с поступившими сигналами».

Сигналы. Доносы. Клевета.

Андрей разорвал конверт. Бумага была плотной, казенной. За сухими формулировками скрывалась бездна.

— Они придут, — сказал он.

— Когда? — спросила Лена.

— Скоро.

Анна посмотрела на родителей. Она не понимала смысла письма, но видела, как дрожат руки отца. Она посмотрела на свою тарелку с супом. В отражении бульона она увидела свое лицо. Обычное лицо. Но почему-то теперь она искала в себе изъян. Тот самый, о котором говорила учительница. Тот, который заставил Катю отвернуться.

Может быть, она действительно какая-то не такая? Может быть, она действительно «товар», бракованное изделие, которое нужно изъять из обращения?

Эта мысль, чудовищная для восьмилетнего ребенка, пустила корни в ее сознании. Система добилась своего: она не просто изолировала ребенка, она заставила его усомниться в собственном праве на существование. Психологическое убийство состоялось. Оставалось только оформить это юридически.

За окном сгущались сумерки. Город зажигал огни, люди спешили домой, в тепло и уют. А в квартире на третьем этаже четыре человека сидели в тишине, слушая, как в подъезде хлопает дверь, и каждый хлопок звучал как выстрел. Они еще были вместе, но между ними и остальным миром уже пролегла пропасть, через которую не перекинуть мост.

Глава 3: Ночь Огня

Темнота в квартире больше не была просто отсутствием света. Она стала осязаемой субстанцией, плотной и тяжелой, как мокрая шерсть. Раньше, до того как их жизнь превратилась в мишень, темнота означала покой: сон, тихие разговоры перед сном, мерцание ночника в форме луны в комнате Анны. Теперь темнота была единственным укрытием. Шторы были задернуты круглосуточно, превращая солнечные дни в бесконечные сумерки, а ночи — в ожидание неизбежного.

Андрей сидел в коридоре на маленькой табуретке, сжимая в руке черенок от лопаты — единственное «оружие», которое он смог найти в кладовке. Это выглядело нелепо и жалко: интеллигентный мужчина в очках, инженер-логист, охраняющий входную дверь с палкой, словно пещерный человек. Но логика цивилизованного мира рухнула неделю назад, когда на их почтовом ящике кто-то выцарапал слово «СМЕРТЬ», а замок залили монтажной пеной.

Анна и Максим были в своей комнате. Им запретили подходить к окнам.

— Пап, — голос Максима прозвучал тихо из дверного проема. — Там, на улице... они снова собрались.

Андрей вздрогнул. Он знал, кто такие «они». Это были не соседи. Соседи просто прятались, отводили глаза и быстро пробегали мимо их двери, боясь заразиться социальной проказой. Те, кто собирался под окнами, были другими.

Андрей подошел к окну в кухне и, не включая свет, отогнул край плотной портьеры буквально на сантиметр. Внизу, у подъезда, стояла группа молодых людей. Пятеро или шестеро. Спортивные костюмы, капюшоны, надвинутые на глаза, в руках — банки с пивом. Они не были похожи на «обеспокоенных граждан», о которых писали газеты. Это были хищники, почуявшие запах крови.

Один из них, заметив движение шторы, поднял голову и сплюнул на асфальт. Даже с третьего этажа Андрей почувствовал этот плевок как физический удар.

— Не смотри на них, сынок, — сказал Андрей, задергивая штору. — Иди к маме.

Лена сидела на диване, обхватив себя руками. Она не плакала — слезы кончились еще три дня назад, когда Андрея уволили. Теперь в ее глазах была сухая, выжженная пустыня страха.

— Ты звонил участковому? — спросила она безжизненным голосом.

— Дважды. Сказали, что наряд выехал. Час назад.

— Они не приедут, Андрей. Ты же знаешь.

Он знал. Он понял это еще вчера, когда ходил в отделение писать заявление о вандализме. Кто-то разбил лобовое стекло их старенького «Форда» и бросил в салон пакет с мусором. Дежурный офицер, лениво листая паспорт Андрея, даже не скрывал ухмылки.

«А что вы хотели, гражданин? — спросил он тогда, глядя на Андрея поверх очков. — Люди возмущены. У нас демократия, свобода слова. Народ выражает свое мнение. Может, вам стоит пересмотреть свое поведение? Дыма без огня не бывает».

Это была не просто халатность. Это была санкция. Негласное разрешение на охоту. Андрей видел этот взгляд у полицейского — смесь презрения и скуки. Для системы они больше не были потерпевшими. Они были провокаторами, которые самим фактом своего существования нарушали общественное спокойствие.

Внизу раздался громкий смех, а затем звон разбитой бутылки. Анна в детской вскрикнула.

Андрей метнулся в комнату детей. Анна сидела на кровати, прижав колени к подбородку, ее глаза были огромными в полумраке. Максим стоял рядом, положив руку ей на плечо. Он пытался быть храбрым, но его пальцы дрожали.

— Это просто бутылка, Анюта, — сказал Андрей, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Просто хулиганы уронили стекло.

— Они придут за нами? — спросила Анна. Ее вопрос был прямым и страшным в своей детской простоте.

— Нет. Дверь железная. Никто не войдет.

Но Андрей лгал. Железная дверь защищает от воров, но она бессильна против ненависти, которую подогревает государство. Он вспомнил статью, которую читал вчера в интернете, пока у них еще не отключили сеть за неуплату. Там «эксперт» рассуждал о том, что сектанты часто сами провоцируют насилие, чтобы выставить себя жертвами. Это называлось «информационной подготовкой». Если с ними что-то случится, виноваты будут они сами.

Часы в коридоре пробили десять вечера. Время, когда город должен засыпать. Но для их семьи это было время, когда кошмар становился реальностью.

С улицы донеслись крики. Теперь они скандировали. Ритмично, злобно, как на футбольном матче.

— У-би-рай-тесь! У-би-рай-тесь!

Андрей снова пошел на кухню. Лена стояла у плиты, механически протирая идеально чистую поверхность тряпкой.

— Они пьяные, — сказала она. — Я слышу по голосам.

Использование маргинальных элементов, пьяных подростков и футбольных фанатов для «народного гнева» было старой тактикой. Это позволяло властям оставаться в стороне. «Мы тут ни при чем, это стихийное возмущение общественности». Андрей читал об этом в исторических книгах. Хрустальная ночь начиналась не с приказов сверху, а с того, что штурмовикам дали понять: полиция не вмешается. Сегодня роль штурмовиков выполняли эти парни в спортивных костюмах, накачанные дешевым пивом и пропагандой о «внутренних врагах».

Вдруг звон стекла разорвал вязкую тишину квартиры. Звук был оглушительным, нереально громким.

Андрей и Лена одновременно бросились в детскую.

Окно в комнате детей было разбито. Осколки усеяли пол, сверкая в свете уличного фонаря. Холодный осенний ветер ворвался внутрь, раздувая занавески. Но страшнее всего был предмет, лежавший на ковре, — тяжелый булыжник, обернутый бумагой.

Анна не кричала. Она сидела, застыв, как восковая кукла, и смотрела на камень. Максим закрывал ее собой, его спина была напряжена, как струна.

— Не трогайте! — крикнул Андрей, перепрыгивая через осколки.

Он схватил детей и вытолкал их в коридор. Лена, рыдая, обнимала их, ощупывая руки и ноги — нет ли порезов.

— Они кинули камень! В детей! — Лена кричала, и в ее голосе была истерика. — Андрей, сделай что-нибудь! Вызови полицию!

Андрей схватил телефон. Гудки. Длинные, равнодушные гудки.

— Дежурная часть, слушаю, — наконец ответил усталый женский голос.

— Нападение! Улица Ленина, 15! Разбили окно в детской! Там дети! Они кидают камни!

— Фамилия? — голос диспетчера не изменился ни на йоту.

— Волков. Андрей Волков. Я уже звонил!

— А, Волков… — тон изменился. Стал холодным, бюрократическим. — Заявка принята. Ждите. Много вызовов.

— Они убить нас хотят! Вы понимаете?!

— Не кричите на меня, гражданин. Если будете хулиганить, наряд приедет за вами.

Она повесила трубку.

Андрей смотрел на телефон, не веря своим ушам. Это было оно. Полное, тотальное безразличие, граничащее с соучастием. Для полиции они уже были вычеркнуты из списка людей, подлежащих защите. Дегуманизация прошла успешно: если ты «сектант», значит, у тебя нет прав. Значит, если в твое окно летит камень, это не преступление, а «воспитательная мера».

Он вернулся в детскую, чтобы закрыть разбитое окно фанерой, которую припас на балконе. Ветер шевелил бумагу, в которую был завернут камень. Андрей развернул ее. Это была листовка. Грубая, напечатанная на дешевом принтере. На ней была карикатура: паук с человеческим лицом, опутывающий паутиной детей. И надпись: «Очистим город от грязи!».

Его руки затряслись. Это была не просто хулиганская выходка. Это была акция устрашения. Кто-то вложил этот камень в руку пьяного подростка. Кто-то напечатал эти листовки. Кто-то сказал им адрес.

— Папа, пахнет... — голос Максима из коридора заставил Андрея похолодеть.

Он принюхался. Запах гари. Едкий, химический запах бензина и горящей тряпки.

— В гостиной! — закричала Лена.

Андрей выбежал в коридор. Из-под двери гостиной, где они обычно смотрели телевизор, выбивались клубы черного дыма.

— На кухню! Все на кухню! — заорал Андрей. — Лена, мочи полотенца!

Он рванул дверь гостиной. Жар ударил в лицо. Второе окно было разбито, и на паркете, прямо у книжного шкафа, горела бутылка. Огонь жадно лизал лак на полу и уже перекидывался на шторы. Коктейль Молотова.

Это был не камень. Это была попытка убийства.

Андрей сорвал с дивана плед и бросился на огонь. Синтетика плавилась, дым ел глаза, горло перехватило спазмом. Он бил пледом по пламени, топтал его ногами, не чувствуя боли от ожогов.

— Воды! — хрипел он.

Максим подбежал с кастрюлей воды.

— Не лей на бензин! — крикнул Андрей, но было поздно. Вода плеснула на горящую лужу, и пламя взметнулось вверх, опалив брови.

— Отойди! — Андрей оттолкнул сына.

Он схватил горящую штору голыми руками, сорвал ее с карниза и бросил на пол, накрыв остатками пледа. Потом начал топтать этот горящий ком, втаптывая огонь в паркет, втаптывая свой страх, свою беспомощность.

Минута показалась вечностью. Когда последний язык пламени погас, в комнате остался только едкий, удушливый дым и тяжелое дыхание Андрея. Он стоял посреди разгромленной комнаты, его руки были черными от сажи, рубашка прожжена в нескольких местах.

В тишине, наступившей после рева огня, он услышал звук сирены. Далекий, нарастающий вой.

— Приехали… — прошептала Лена, стоя в дверях с Анной на руках. Девочка уткнулась лицом в шею матери и мелко дрожала.

Полицейские вошли в квартиру через десять минут. Двое в форме, с автоматами, и один в штатском. Они не спешили. Они шли так, словно приехали на вызов о громкой музыке.

Человек в штатском брезгливо поморщился, вдохнув запах гари. Он прошел в гостиную, носком ботинка пошевелил обгоревшую тряпку.

— Ну и что тут у нас? — спросил он, не глядя на Андрея. — Пиротехника? Неосторожное обращение с огнем?

— Нам бросили бутылку с зажигательной смесью, — сказал Андрей. Голос его был хриплым, чужим. — В окно. Вы видите разбитое стекло?

Оперуполномоченный (Андрей предположил, что это он) подошел к окну. Он выглянул на улицу. Там уже никого не было. Только темнота и ветер.

— Никого не вижу, — сказал он равнодушно. — Может, сами разбили? Для привлечения внимания? Знаем мы ваши методы. Любите из себя мучеников строить.

— Вы в своем уме? — Лена шагнула вперед, ее глаза сверкали яростью. — Мы чуть не сгорели! Дети были дома!

— Вот именно, — полицейский повернулся к ней, и в его глазах Андрей увидел тот самый холодный блеск, который был у «экспертов» по телевизору. — Дети были дома. А вы устроили пожароопасную ситуацию. Антисанитария, гарь, разбитые стекла. Это статья 156, неисполнение родительских обязанностей. Угроза жизни и здоровью несовершеннолетних.

Андрей замер. Мир перевернулся окончательно. Жертву обвиняли в преступлении, совершенном против нее. Это была извращенная логика, но она работала безупречно.

— Вы должны искать тех, кто это сделал, — тихо сказал Андрей. — Там, на улице, были люди. Свидетели. Камеры на соседнем магазине.

— Мы разберемся, кого искать, — оборвал его полицейский. — А пока… Паш, сфотографируй тут все. Особенно детскую. Разбитое окно, холод, сквозняк. Зафиксируй условия проживания.

Вспышка фотоаппарата ослепила Анну. Она зажмурилась, прячась за маму. Человек в форме ходил по их квартире, по их разрушенному убежищу, и снимал не улики преступления бандитов, а «доказательства» вины родителей. Он снимал осколки на кровати Анны. Снимал закопченный потолок. Снимал испуганных, чумазых детей.

Каждый щелчок затвора был как гвоздь в крышку гроба их семьи.

— Вы понимаете, что это поджог? — Андрей попытался воззвать к разуму второго полицейского, молодого сержанта. — Это уголовное дело!

Сержант отвел глаза. Ему было неловко, но он молчал. Система не поощряла сочувствия к «врагам».

— Есть версия, — вдруг сказал оперуполномоченный, закуривая прямо в комнате, — что это ритуальное самосожжение. У вас же в сектах это принято? Жертвоприношения, очищение огнем? Может, вы хотели вознестись вместе с детьми?

— Это ложь! — крикнул Максим. — Папа тушил огонь! Он спас нас!

Полицейский посмотрел на мальчика с интересом энтомолога.

— Агрессивный ребенок, — заметил он, выпуская струю дыма в потолок. — Явно нарушена психика. Зомбирован. Нужно будет сообщить в опеку. Пусть проверят.

Они ушли через полчаса, составив протокол, в котором не было ни слова о нападении. Там было написано: «Бытовой пожар, нарушение правил безопасности, антисанитарные условия». Они не взяли осколки бутылки на экспертизу. Они не опросили соседей. Они просто задокументировали факт того, что семья Волковых живет в аду, и сделали вывод, что в этом аду виноваты сами Волковы.

Когда дверь за ними закрылась, Андрей сполз по стене на пол. Силы покинули его. Он смотрел на свои обожженные руки. Кожа покраснела и вздулась пузырями, но он не чувствовал боли. Боль была внутри.

Лена увела детей в спальню родителей — единственную комнату, где окна были целы и выходили во двор. Она уложила их на большую кровать, укрыв тремя одеялами.

— Мам, — прошептала Анна в темноте. — Почему дядя полицейский сказал, что мы хотели сгореть?

— Он глупый, Аня. Спи.

Но Анна не спала. Она лежала с открытыми глазами и смотрела на тень от шкафа. Ей казалось, что тень шевелится. Сегодня она поняла что-то очень важное и страшное про мир взрослых. Она поняла, что правда не имеет значения. Важно только то, кто сильнее. А сильнее были те, кто кидал камни, и те, кто носил форму.

Андрей вошел в спальню. Он пах гарью и отчаянием. Он сел на край кровати и погладил Максима по голове.

— Простите меня, — сказал он.

— За что, пап? — спросил Максим.

— За то, что я не могу вас защитить. За то, что закон больше не для нас.

В ту ночь никто не спал. Андрей сидел у разбитого окна в гостиной, забив его фанерой, и слушал улицу. Ветер свистел в щелях, принося холод и запах осени. Он думал о том, что произошло. Это была классическая схема, описанная в тех самых книгах по истории, которые он так любил. Сначала дегуманизация — «они не люди, они сектанты». Потом лишение защиты закона — полиция не приезжает. Потом насилие чужими руками — «народный гнев». И, наконец, обвинение жертвы — «они сами себя подожгли».

Он вспомнил рассказы о погромах. О том, как толпа сжигала дома, а пожарным не давали тушить. Сегодня пожарных даже не вызвали.

В углу комнаты валялся тот самый камень. Андрей поднял его. Тяжелый, холодный кусок гранита. Орудие пролетариата? Нет, орудие ненависти. Он развернул листовку еще раз. «Очистим город».

Очищение огнем.

Он понял, что это был не конец. Это была репетиция. Проверка реакции. Они проверяли, вступится ли кто-нибудь. Никто не вступился. Соседи слышали звон стекла и крики, но никто не вышел. Никто не позвонил в полицию. Стена молчания стала стеной соучастия.

Андрей посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха, а от бессильной ярости. Он был законопослушным гражданином. Он платил налоги. Он никогда не переходил дорогу на красный свет. И теперь его жизнь, жизнь его детей зависела от прихоти толпы и цинизма чиновников.

В соседней комнате Анна тихонько заплакала во сне. Андрей вздрогнул. Он должен был что-то сделать. Уехать? Куда? Счета арестованы, машина разбита. Спрятаться? Где? Их лица были во всех газетах.

Они были в ловушке. В стеклянной банке, куда злые дети бросили горящую спичку, чтобы посмотреть, как будут бегать жуки.

Утром Андрей нашел в почтовом ящике еще одну бумагу. Не листовку. Официальное письмо. Но на этот раз не из полиции. Из органов опеки и попечительства.

«В связи с поступившими сигналами о ненадлежащем исполнении родительских обязанностей и угрозе жизни несовершеннолетних… назначается экстренная комиссия… вопрос об изъятии…»

Дата стояла вчерашняя. Письмо было отправлено *до* пожара.

Андрей стоял в подъезде, сжимая бумагу в кулаке. Он понял страшную вещь. Пожар был нужен не для того, чтобы их сжечь. Пожар был нужен, чтобы создать «угрозу жизни». Чтобы у опеки был повод.

Он вернулся в квартиру, закрыл дверь на все замки и придвинул к ней тяжелый комод. Это было бессмысленно, он знал. Когда они придут — а они придут, теперь он не сомневался, — комод их не остановит. Но это было единственное действие, которое он мог совершить.

В квартире пахло мокрым пеплом. Этот запах въелся в стены, в одежду, в кожу. Запах беды. Анна сидела на кухне и рисовала. Она рисовала дом. Но не их дом, светлый и уютный. Она рисовала черный квадрат с оранжевыми языками пламени. И маленьких человечков внутри, у которых вместо лиц были точки.

— Что это, Аня? — спросила Лена, увидев рисунок.

— Это мы, — ответила девочка, не поднимая головы. — Мы горим.

— Мы не горим, солнышко. Папа потушил огонь.

— Нет, — Анна посмотрела на мать глазами, в которых больше не было детства. — Огонь остался. Он теперь везде.

Андрей подошел к окну. На улице, прямо напротив их подъезда, стояла черная машина. В ней сидели двое мужчин. Они не скрывались. Один из них смотрел на окна квартиры и говорил по телефону. Он улыбался.

Андрей узнал его. Это был тот самый «эксперт» из телевизора. Человек, который называл их «раковой опухолью». Он приехал посмотреть на результаты своей работы. На разбитые окна, на закопченные стены. Он приехал убедиться, что жертва готова к закланию.

Андрей задернул штору. Но он знал: от этого взгляда не спрятаться. Механизм перешел в финальную фазу. Жернова системы, смазанные ложью и ненавистью, начали вращаться быстрее, готовясь перемолоть их кости.

На полу, среди осколков стекла, лежал плюшевый медведь Анны. У него было опалено ухо, и он пах дымом. Андрей поднял игрушку. Медведь смотрел на него стеклянным глазом, в котором отражался весь ужас происходящего. Игрушка, пережившая погром.

— Мы не сдадимся, — прошептал Андрей медведю. Но в глубине души он знал: их мнение уже никого не интересует. Приговор вынесен. Осталось только привести его в исполнение.

Глава 4: Разбитая Дверь

Звук, который разбудил Анну в то утро, не был похож ни на что, слышанное ею раньше. Это был не гром, не звон разбитого стекла и даже не крик. Это был визг. Пронзительный, механический визг металла, вгрызающегося в металл. Болгарка.

Часы на стене, те самые, с веселым котенком, маятник которого качался из стороны в сторону, показывали 06:03 утра. Время, когда сны обычно становятся самыми сладкими, но в их квартире сны давно закончились.

Анна села в кровати, прижимая к груди одеяло. В соседней кровати резко выпрямился Максим. Его лицо в утренних сумерках казалось белым пятном, на котором жили только огромные, расширенные от ужаса глаза.

— Началось, — одними губами произнес он.

В коридоре послышался топот босых ног. Папа. Анна слышала, как он подбежал к двери, как его голос, сорвавшийся на фальцет, крикнул:

— Кто там? Что вы делаете?! Здесь дети!

Ответом был удар. Тяжелый, сотрясающий стены удар тарана, от которого, казалось, подпрыгнул сам дом. Штукатурка с потолка посыпалась мелким снегом на пол. Визг пилы возобновился с новой силой, и теперь к нему добавились искры, влетающие в прихожую сквозь прорезанную щель, словно адский фейерверк.

— Открывайте! Полиция! Спецназ! — рев из-за двери заглушал все мысли.

Андрей, отец Анны, отступил назад, подняв руки. Он был в одних пижамных штанах, босой, беззащитный перед лицом стальной машины, ломающей его дом. Лена выбежала из спальни, на ходу накидывая халат. Она не кричала. Она метнулась к детям, закрыла дверь в их

комнату и прижалась к ней спиной, словно ее хрупкое тело могло остановить то, что шло снаружи.

Но дверь в квартиру рухнула. Она упала внутрь с грохотом, похожим на взрыв, подняв облако пыли. И сквозь это облако в их жизнь ворвались люди без лиц.

Они были черными. Черные шлемы, черные бронежилеты, черные маски с прорезями для глаз, в которых не было ничего человеческого. Автоматы смотрели в грудь отца.

— На пол! Лежать! Руки за голову! — команды выкрикивались лающим, звериным ритмом.

Анна слышала глухой звук удара — это приклад автомата встретился с человеческим телом. Папа вскрикнул и упал. Потом звуки борьбы, хриплое дыхание, щелчок наручников.

— Чисто! Кухня чисто! Комнаты проверить!

Дверь в детскую распахнулась от удара ногой. Лена отлетела в сторону, ударившись плечом о шкаф. В комнату ворвались двое гигантов в масках. Лучи тактических фонарей, ослепительно яркие, заметались по стенам, выхватывая из полумрака плюшевых медведей, полки с книгами, детские рисунки и двух детей, застывших на кроватях.

— Здесь двое! — крикнул один из спецназовцев в рацию на плече. — Женщина и двое несовершеннолетних.

Анна зажмурилась. Свет резал глаза, но страшнее света было ощущение, что воздух в комнате исчез. Его выкачали эти черные фигуры, заполнив пространство запахом оружейной смазки, пота и агрессии.

— Не трогайте их! — закричала мама, пытаясь встать. — Они же дети! Что вы делаете?!

Ее грубо схватили за руку и рывком подняли на ноги.

— Гражданка, успокойтесь! Сядьте на стул и не препятствуйте следственным действиям!

В квартиру вошли другие люди. Они были без масок, в гражданской одежде, но от них веяло тем же холодом. Следователь, молодой мужчина с усталым, равнодушным лицом, перешагнул через лежащего на полу в коридоре отца. Андрей лежал лицом вниз, руки были заломлены за спину так высоко, что суставы, казалось, вот-вот хрустнут. На его спине стоял тяжелый ботинок спецназовца.

— Волков Андрей Николаевич? — спросил следователь, открывая папку. — Вы обвиняетесь в организации деятельности экстремистского сообщества, финансировании терроризма и вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность.

— Какого терроризма? — прохрипел Андрей, сплевывая кровь на паркет. — Мы Библию читаем…

— Молчать! — спецназовец надавил коленом на шею отца.

Следователь прошел в гостиную, где еще пахло гарью после недавнего поджога. Он огляделся с выражением брезгливости на лице. За ним семенили двое понятых — соседи с первого этажа, алкоголик дядя Петя и испуганная студентка, которую, видимо, выдернули из постели.

— Приступаем к обыску, — буднично объявил следователь.

То, что происходило дальше, напоминало сюрреалистический спектакль, где роли были расписаны заранее, а финал известен еще до поднятия занавеса. Люди в перчатках выворачивали ящики, сбрасывали книги с полок, вспарывали ножами обивку дивана. Они не искали. Они создавали хаос.

Один из оперативников подошел к книжному шкафу. Он на секунду заслонил обзор спиной, а когда отошел, в его руках оказалась стопка брошюр. Ярких, глянцевых, совершенно новых.

— Товарищ майор, смотрите! — воскликнул он с фальшивым удивлением. — Экстремистская литература. И вот еще… финансовые отчеты о переводах за границу.

Лена, которую усадили на стул в коридоре, дернулась.

— Это не наше! Вы подбросили! У нас никогда не было таких книг!

— Конечно, не было, — ухмыльнулся оперативник. — Они сами материализовались. В протокол заносим: обнаружена литература, внесенная в Федеральный список экстремистских материалов.

Анна и Максим сидели на кровати, обнявшись. Максим закрывал сестре уши ладонями, но она все равно слышала. Она слышала, как ломается их жизнь. Хруст пластика, звон разбитой вазы, треск разрываемой бумаги.

В дверном проеме появилась фигура, которую Анна узнала сразу, хотя видела этого человека только по телевизору. Тот самый «эксперт». Мужчина с колючими глазами и жидкой бородкой. Он был здесь не официально, но вел себя как хозяин. Он прошел по квартире, заглядывая в комнаты, кивая своим мыслям.

Он остановился перед следователем и протянул ему бумагу. Плотный лист с синими печатями.

— Вот заключение Центра религиоведческих исследований, — сказал он громко, так, чтобы слышали родители. — Экспертиза номер 248/Б. Подтверждает, что данная группа использует методы нейролингвистического программирования, подавления воли и разрушения личности. Это не религия, майор. Это психокульт. Особо опасный.

Следователь взял бумагу, словно священную реликвию.

— Приобщим к делу. Спасибо за содействие, Александр Леонидович.

Андрей попытался поднять голову.

— Это ложь! — закричал он. — Этот человек — шарлатан! У него нет образования! Вы судите нас по бумажке, которую написал фанатик!

Удар ботинком под ребра заставил его замолчать. Андрей скорчился от боли, хватая ртом воздух. Анна заплакала. Тонко, жалобно, как скулит щенок, которого пнули.

— Уведите обвиняемого, — скомандовал следователь.

Двое спецназовцев рывком подняли Андрея. Его лицо было разбито, из носа текла кровь, пачкая пижаму. Он попытался повернуться к семье.

— Лена! Дети! Я люблю вас! Ничего не бойтесь!

Его выволокли на лестничную площадку. Дверь лифта лязгнула, отрезая его голос.

Теперь в квартире остались только женщины и дети. И следователь. Он посмотрел на часы.

— Где опека? Опаздывают.

Словно по команде, в истерзанный дверной проем вошли три женщины. Они разительно отличались от спецназа, но их вид пугал не меньше. Серые пальто, строгие лица, папки в руках. От них пахло дешевыми духами и казенным равнодушием.

Главная из них, полная женщина с высокой прической, похожей на башню, окинула взглядом разгромленную квартиру.

— Боже мой, — произнесла она с театральным ужасом. — В каких условиях живут дети. Антисанитария, разбитые окна, следы пожара… А теперь еще и экстремистская литература.

Она подошла к Лене.

— Гражданка Волкова? Мы — представители органов опеки и попечительства. На основании статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации, в связи с непосредственной угрозой жизни и здоровью

детей, на основании акта органа опеки, производится их немедленное отобрание.

Лена замерла. Смысл слов доходил до нее медленно, как сквозь вату.

— Отобрание? — переспросила она шепотом. — Нет… Вы не имеете права. Я мать. Я не отдам.

— Вы задержаны, — сухо сообщил следователь. — Как соучастница. Вас сейчас увезут в ИВС. Дети не могут оставаться одни в квартире, которая является местом преступления.

— У них есть бабушка! — закричала Лена, вскакивая со стула. — Моя мама! Она живет в соседнем районе! Позвоните ей!

Представительница опеки покачала головой, открывая папку.

— Ваша мать, гражданка Смирнова, также является адептом вашей организации. Мы не можем передать детей лицу, которое находится под влиянием деструктивного культа. Есть постановление Пленума Верховного суда. Вовлечение детей в деятельность запрещенных организаций приравнивается к злоупотреблению родительскими правами.

— Это не культ! — Лена бросилась к детям, закрывая их собой. — Не подходите!

Спецназовец, оставшийся в квартире для охраны, шагнул вперед. Он не ударил Лену, просто перехватил ее руки и профессиональным движением завел их за спину. Щелкнули вторые наручники.

— Мама! — закричал Максим, пытаясь вцепиться в рукав спецназовца. — Отпустите ее!

Женщины из опеки двинулись к детям. Это было похоже на охоту. Анна забилась в угол кровати, сжимая своего медведя с опаленным ухом. Она смотрела на приближающуюся тетку с высокой прической как на чудовище из ночных кошмаров.

— Ну-ну, девочка, не бойся, — голос женщины был приторно-сладким, фальшивым насквозь. — Мы тебя спасаем. Поедем в хорошее место. Там игрушки, там безопасно. Тебя там никто не будет заставлять молиться.

— Я не хочу! — визжала Анна. — Я хочу к маме!

Женщина схватила Анну за руку. Хватка у нее была железная. Она потянула девочку на себя. Анна упиралась ногами, цеплялась свободной рукой за одеяло, за брата, за воздух.

— Максим! — кричала она.

Максима схватила вторая женщина. Он был старше и сильнее, он пытался вырваться, пнул одну из «спасительниц» по ноге.

— Ах ты, щенок! — взвизгнула та, теряя маску доброжелательности. — Агрессивный! Точно зомбированный! Психиатрам работы непочатый край.

Спецназовец держал Лену, которая билась в его руках, как птица в силке. Она выла. Это был не человеческий крик, это был вой раненого зверя, у которого вырывают внутренности.

— Аня! Максим! Я найду вас! Я обещаю! Не верьте им! Мы ни в чем не виноваты!

Детей тащили по коридору. Анна потеряла тапочек. Ее босые ноги скользили по паркету, усыпанному штукатуркой и осколками. Она видела перевернутый стол, разбросанные вещи, видела маму, которую прижали лицом к стене.

— Мамочка! — этот крик разорвал горло, но не разорвал сердца тех, кто выполнял «работу».

Их вывели на лестничную площадку. Соседи стояли у своих дверей, приоткрыв их на цепочки. Десятки глаз. Глаз, в которых Анна искала помощи, но видела только страх и злорадство.

— Так им и надо, — прошипела старуха с пятого этажа. — Развели секту. Детей мучили.

— Наконец-то опека сработала, — поддакнул кто-то. — Спасли ребятишек.

Анна хотела крикнуть им: «Нас не спасают! Нас крадут!», но у нее не было голоса. Только хрип.

На улице было холодно. Двор был забит машинами. Мигалки вращались, окрашивая серые стены дома в тревожные сине-красные тона.

Лену вывели следом. Ее, в халате и тапочках, грубо толкнули в заднюю дверь полицейского «УАЗика». Она успела бросить последний взгляд на детей, которых подводили к белому микроавтобусу с надписью «Социальная служба». Их взгляды встретились на долю секунды. В глазах матери была такая бездна боли, что Анна почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось. Тонкая нить, связывающая ее с миром безопасности, лопнула.

— Садись! — женщина из опеки подтолкнула Анну в салон микроавтобуса.

Внутри пахло старой обивкой и бензином. Максим залез следом. Он был бледен, губы его дрожали, но он не плакал. Он обнял сестру, прижав ее голову к своему плечу.

Дверь микроавтобуса захлопнулась с тяжелым металлическим звуком. Этот звук поставил точку. Отрезал прошлое.

Машина тронулась. Анна прильнула к грязному стеклу. Она видела, как полицейский «УАЗ» с мамой уезжает в другую сторону. Она видела свой дом. Окна их квартиры на третьем этаже зияли черными дырами. Шторы, которые мама выбирала с такой любовью, висели жалкими лохмотьями.

На тротуаре остался стоять тот самый «эксперт». Он закуривал сигарету, глядя вслед отъезжающим машинам. Он выглядел

довольным. Работа была сделана. Ячейка общества уничтожена. Статистика борьбы с экстремизмом пополнена.

В микроавтобусе, кроме них, сидела еще одна женщина — сопровождающая. Она достала телефон и начала кому-то звонить.

— Да, забрали. Двое. Мальчик двенадцать, девочка восемь. Состояние запущенное. Психологически нестабильны. Да, оформляем как безнадзорных. Родители арестованы по 282-й. Куда везем? Сначала в распределитель, потом… — она понизила голос, но Анна услышала. — По девочке есть особые указания. Да. Из центра звонили. Сказали, нужен особый контроль. Перевоспитание.

Максим сжал руку сестры так сильно, что ей стало больно.

— Не слушай их, — шепнул он. — Мы вместе.

Но Анна знала, что это ненадолго. Она чувствовала это кожей. Система, которая сломала их дверь, сломала их отца и украла их мать, не остановится. Она проглотила их и теперь начинала переваривать.

Она посмотрела на свои руки. На них осталась пыль родного дома. Пыль, смешанная со слезами. Это было все, что у нее осталось от детства.

Микроавтобус подпрыгнул на кочке. Плюшевый медведь с опаленным ухом упал на пол. Анна хотела поднять его, но сопровождающая наступила на игрушку своим тяжелым ботинком.

— Оставь, — сказала она равнодушно. — Это мусор. Там, куда вы едете, свои игрушки. Правильные.

Анна смотрела на медведя под грязной подошвой. Его стеклянный глаз смотрел на нее с немым укором. В этот момент в душе восьмилетней девочки умерла вера в то, что взрослые — это защита. Взрослые стали врагами. Все, кроме папы и мамы, которых увозили в тюрьму.

Она вспомнила слова папы: «Мы христиане, мы никого не обижаем». Почему же тогда их обижают так страшно? Почему Бог позволил этим людям в черном войти в их дом?

Ответа не было. Был только гул мотора и мелькающие за окном серые улицы города, который предал их. Города, который спал спокойно, пока в одной из квартир уничтожали семью.

В кармане куртки Максима завибрировал телефон, который он чудом успел сунуть в карман при обыске. Он осторожно, прикрывая экран ладонью, посмотрел на него.

— Что там? — одними губами спросила Анна.

Максим показал ей экран. Это было новостное уведомление. Заголовок гласил: *«В центре города ликвидирована ячейка тоталитарной секты. Спасено двое детей, которых родители готовили к жертвоприношению».*

Время публикации: 06:15 утра.

Рейд начался в 06:03.

Статья была написана заранее.

Максим выключил телефон и посмотрел на сестру. В его взгляде больше не было детского страха. Там была холодная, взрослая ненависть. И понимание того, что они попали в капкан, из которого нет выхода.

— Мы не жертвы, — прошептал он. — Мы свидетели.

Микроавтобус свернул в промзону, удаляясь от жилых кварталов. Впереди маячили высокие бетонные заборы с колючей проволокой. Анна закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти запах ванили с ее дня рождения, но вместо него чувствовала только запах гари и казенной хлорки.

Дверь в их прошлую жизнь была не просто разбита. Она была замурована. Теперь перед ними открывалась другая дверь. Железная,

ржавая, ведущая в подвал человечности, где детей называют «объектами опеки», а на самом деле — товаром.

На полу микроавтобуса валялся листок бумаги, выпавший из папки соцработницы. Анна скосила глаза. Это был бланк «Акта обследования жилищно-бытовых условий». В графе «Заключение» размашистым почерком было написано одно слово, подчеркнутое жирной чертой: *«ИЗЪЯТЬ»*.

Это слово стало приговором. Не судом, не законом, а росчерком пера равнодушной тетки в сером пальто была перечеркнута судьба двух людей.

Машина остановилась перед тяжелыми воротами. Охранник лениво вышел из будки, проверил документы.

— Новенькие? — спросил он, заглядывая в салон. — Сектанты?

— Они самые, — кивнула сопровождающая. — Принимайте пополнение.

Ворота медленно, со скрежетом, начали открываться, впуская микроавтобус внутрь периметра. Анна в последний раз оглянулась назад, на город, оставшийся за спиной. Там, в утреннем небе, вставало солнце. Но оно светило не для них. Для них наступила долгая полярная ночь.

Глава 5: Дом «Бога»

Железные ворота за спиной захлопнулись с тяжелым, окончательным лязгом, отрезавшим не просто улицу, но и само время. Микроавтобус социальной службы, подпрыгивая на ухабах, въехал на территорию, обнесенную высоким бетонным забором, поверх которого змеилась колючая проволока. Это место не было похоже на детский дом из книжек или фильмов, где добрые воспитательницы в цветных

передниках встречают сирот с распростертыми объятиями. Это место напоминало режимный объект, гибрид казармы и монастыря строгого режима.

Здание было старым, из красного кирпича, потемневшего от времени и сырости. Окна первого этажа были забраны решетками, настолько густыми, что сквозь них с трудом пробивался дневной свет. Над массивным крыльцом висела вывеска: «Центр духовно-нравственной реабилитации и социальной адаптации несовершеннолетних «Ковчег»». Название звучало благочестиво, но от стен веяло могильным холодом.

Анна, все еще сжимая в руке пустоту — там, где раньше была ладонь мамы, а потом плюшевый медведь, — вышла из машины. Ноги в одном тапочке и одном носке ступили на мокрый асфальт. Осенний ветер мгновенно пробрал до костей, но дрожала она не от холода. Она дрожала от взгляда.

На крыльце их встречали. Три женщины в длинных юбках и платках, скрывающих волосы, и двое мужчин в камуфляжной форме без опознавательных знаков. Они смотрели на выгружаемых детей не с жалостью, не с сочувствием, а с брезгливым любопытством, с каким санитары смотрят на зараженные предметы, подлежащие дезинфекции.

— Это новенькие? — спросила одна из женщин, высокая, с сухим, пергаментным лицом. Ее голос скрипел, как несмазанная петля.

— Да, из ячейки Волковых, — ответила сопровождающая из опеки, передавая папку с документами. — Мальчик двенадцать лет, девочка восемь. Инфицированы культовой идеологией с рождения. Требуется полный курс депрограммирования.

— Инфицированы, — эхом повторила женщина, и ее глаза сузились. — Бедные души. Ничего, здесь мы вытравим из них эту заразу. Господь милостив, но строг.

Максим шагнул вперед, пытаясь заслонить собой сестру.

— Где наши родители? — спросил он, стараясь, чтобы голос не срывался. — Вы не имеете права нас здесь держать. Мы хотим к бабушке.

Мужчина в камуфляже шагнул к нему ленивой, текучей походкой хищника. Без предупреждения, без замаха, он ударил Максима ладонью по затылку. Удар был не сильным, но унизительным, заставляющим голову дернуться вперед.

— Молчать, сектантский выродок, — спокойно произнес охранник. — Здесь вопросы задаем мы. Твои родители — преступники. Бабушка — пособница. Ты теперь собственность государства.

Анна вскрикнула, прижимаясь к брату. Максим сжал кулаки, но второй охранник уже достал резиновую дубинку, выразительно постукивая ею по бедру.

— В карантин их, — распорядилась женщина с пергаментным лицом. — Изъять все личные вещи. Одежду сжечь. Выдать форму. И сразу на первичное собеседование. Нужно оценить степень поражения психики.

Процедура «приема» была первым актом расчеловечивания. Их развели по разным комнатам. Анну заставили раздеться догола в холодном кафельном помещении, где пахло хлоркой и старым хозяйственным мылом. Женщина-надзирательница, надев резиновые перчатки, осматривала ее тело, грубо поворачивая девочку то спиной, то лицом. Она комментировала каждое родимое пятно, каждый синяк, оставшийся после штурма квартиры, с таким видом, будто искала на теле ребенка печати дьявола.

— Худая, — бурчала она. — Небось, голодом морили, посты свои соблюдали. Ничего, у нас отъешься. Кашей монастырской.

Затем последовала стрижка. Длинные, мягкие волосы Анны, которые мама каждое утро заплетала в косички, безжалостно падали на мокрый пол под лязг ножниц. Никто не спрашивал разрешения. Никто не заботился о красоте. Оставляли короткий, уродливый «ежик»,

превращая девочку в бесполое существо, лишенное индивидуальности. Когда Анна увидела себя в мутном зеркале над раковиной, она не узнала отражение. Из стекла на нее смотрел маленький заключенный с огромными, полными ужаса глазами.

Ей выдали одежду: серое, застиранное платье на два размера больше, которое висело мешком, и грубые колготки, которые сразу начали колоться. Никаких цветов. Никаких рисунков. Только серость, поглощающая свет.

— Теперь ты номер сорок восемь, — сказала надзирательница. — Забудь свое имя. Имена — это для людей. А вы пока — заготовки. Материал, который нужно исправить.

В коридоре Анна встретила Максима. Его тоже обрили наголо. В мешковатой робе он казался еще меньше и беззащитнее. Они бросились друг к другу, но окрик охранника заставил их замереть.

— Дистанция! — рявкнул он. — Контакты между воспитанниками запрещены без разрешения. Развели сопли.

Их повели по длинным коридорам. Стены были увешаны плакатами. Но это были не детские рисунки. Это были схемы «структуры тоталитарных сект», фотографии каких-то страшных ритуалов и цитаты, набранные красным шрифтом: «Послушание — путь к спасению», «Гордыня — корень ереси», «Очистись от скверны ложных учений».

В столовой, куда их привели на обед, царила гробовая тишина. За длинными столами сидели десятки детей, все одинаково серые, стриженые, с потухшими взглядами. Они ели молча, низко склонив головы. Никто не смеялся, никто не перешептывался. Казалось, что у этих детей вынули души, оставив только механическую функцию жевания.

Анна села за край стола. Перед ней поставили миску с чем-то серым и клейким. Запах еды вызывал тошноту.

— Ешь, — шепнул ей мальчик, сидевший рядом. У него был шрам на щеке и нервный тик — левый глаз постоянно дергался. — Если не съешь, отправят в «комнату размышлений». Там темно и крысы.

— Я не хочу, — прошептала Анна.

— Ешь! — громче сказал мальчик, испуганно косясь на надзирателя. — Они следят. Они говорят, что отказ от еды — это «сектантский протест». За это бьют.

Анна взяла ложку. Рука дрожала. Она проглотила комок безвкусной каши, чувствуя, как он камнем падает в желудок.

После обеда началось то, что здесь называли «терапией». Всех новеньких собрали в медицинском кабинете. Медсестра, женщина с тяжелым взглядом и красными руками, достала банку с таблетками.

— Витамины для укрепления духа, — объявила она, выдавая каждому по две крупные желтые капсулы.

Максим попытался спрятать таблетку под язык, но опытная медсестра заметила движение. Она больно сжала его челюсть пальцами, заставляя открыть рот.

— Умный самый? — прошипела она. — Глотай! Или я введу внутривенно, и тогда ты неделю слюни пускать будешь.

Максим проглотил. Анна тоже. Через двадцать минут мир вокруг начал меняться. Очертания предметов расплылись, звуки стали глухими, словно доносились через толщу воды. Страх, который сковывал Анну все утро, не исчез, но стал каким-то далеким, безразличным. Ей стало все равно. Воля парализовалась. Тело стало ватным, послушным, чужим.

Это была карательная психиатрия в действии, метод подавления личности, известный еще с советских времен, но теперь применяемый к детям под видом «лечения последствий зомбирования». Препараты подавляли критическое мышление, делали сознание пластичным, готовым к внушению.

Их повели в актовый зал. На сцене стоял проектор. Началась лекция. На экране мелькали кадры: взрывы, трупы, люди с безумными глазами. Голос диктора, монотонный и гипнотический, рассказывал о том, что родители этих детей — слуги дьявола, что они хотели принести своих чад в жертву, что только здесь, в стенах «Ковчега», дети могут спастись от вечного проклятия.

— Повторяйте за мной, — командовал воспитатель, расхаживая между рядами с указкой. — Мои родители — враги. Моя вера была ложью. Я — сосуд греха, требующий очищения.

Дети, одурманенные препаратами, монотонно бубнили эти страшные слова. Анна шевелила губами, но звука не было. В ее затуманенном сознании всплывал образ папы, который кружит ее на руках, и мамы, поющей колыбельную. Эти образы конфликтовали с тем, что говорили с экрана, вызывая невыносимую головную боль. Это был когнитивный диссонанс, искусственно вызываемый расщеплением психики — основа метода «депрограммирования». Ломать личность через боль и отрицание любви.

Но самый страшный кошмар ждал их вечером.

После отбоя, когда в коридорах погас свет, за Анной пришли. Дверь спальни открылась, и на пороге возникла фигура в рясе. Это был не священник из церкви, куда они ходили с родителями. Это был человек с глазами, в которых плескалась мутная, липкая тьма. Отец Никодим.

— Номер сорок восемь, — позвал он мягким, вкрадчивым голосом. — Подойди, дитя. Нам нужно провести индивидуальную беседу. Изгнать демона непослушания, который все еще сидит в тебе.

Анна сжалась под одеялом. Соседка по койке, девочка лет десяти, толкнула ее в бок.

— Иди, — прошептала она едва слышно. — Если будешь сопротивляться, будет хуже. Он любит послушных.

Анна встала. Ноги не слушались. Она пошла за черной фигурой по темному коридору. Они пришли в комнату, уставленную иконами, но лики святых здесь казались строгими, осуждающими. В углу горела лампада, отбрасывая зловещие тени.

— Встань на колени, — приказал Никодим, садясь в кресло. — Твои родители осквернили тебя своей ересью. Ты грязна, Анна. Ты чувствуешь эту грязь?

— Нет, — прошептала она.

— Это демон лжи говорит в тебе. Мы должны его изгнать. Молитвой и смирением.

Он подошел к ней. Его руки, пахнущие ладаном и табаком, легли ей на плечи. Тяжелые, влажные руки.

— Читай «Отче наш», — скомандовал он. — И не останавливайся, что бы ни происходило. Это испытание веры.

То, что происходило дальше, Анна запомнила фрагментами, вспышками боли и стыда, которые ее детский разум отказывался складывать в единую картину. Она читала молитву, глотая слезы, а взрослый мужчина делал с ней то, что нельзя делать с детьми. Он называл это «очищением». Он говорил, что боль — это выход греха. Он извращал саму суть веры, превращая Бога в соучастника насилия.

Анна диссоциировала. Она словно вышла из своего тела и повисла под потолком, глядя вниз на маленькую девочку, которую мучает великан в черном. Это была не она. Это была кукла. Товар. Вещь, которой пользуются.

Когда все закончилось, он дал ей конфету. Обычную шоколадную конфету в яркой обертке.

— Ты молодец, — сказал он, поправляя одежду. — Демон слабеет. Завтра продолжим. И помни: это наша тайна. Тайна исповеди. Если расскажешь кому-то — демон вернется и убьет твоего брата. Ты же не хочешь смерти брата?

Анна помотала головой. Она взяла конфету, но не съела ее. Она сжала ее в кулаке так, что шоколад растаял и потек сквозь пальцы, как грязная кровь.

Вернувшись в спальню, она не плакала. Слезы кончились. Она легла на жесткий матрас и уставилась в потолок. В соседней кровати кто-то тихо выл в подушку. Анна знала, что это не просто приют. Это был конвейер. Место, где ломали души, чтобы потом продать тела.

На следующий день она увидела Максима. Его вели под руки двое охранников. Он хромал, на лице был свежий синяк. Его вели из того же крыла, где был кабинет Никодима. Их взгляды встретились. В глазах брата Анна увидела ту же пустоту, ту же сломленность, что чувствовала в себе. Они сделали это и с ним. Унизили. Растоптали мужское достоинство, которое только начинало формироваться.

В столовой к Анне подсела старшая девочка, лет пятнадцати. Ее звали Света. У нее были пустые глаза и шрамы на запястьях.

— Тебя водили к Никодиму? — спросила она тихо, не глядя на Анну.

Анна кивнула.

— Это только начало, — сказала Света. — Здесь сортировка. Тех, кто ломается быстро, оставляют здесь, мыть полы и молиться. А тех, кто… кто посимпатичнее и помоложе… их готовят к переводу.

— Куда? — спросила Анна.

— В «Эдем». Так они называют то место. Говорят, там богатые дяди усыновляют. Но никто оттуда не возвращается. И писем не пишет.

Света подвинула к Анне кусок хлеба.

— Ешь. Тебе понадобятся силы. Скоро приедет «покупатель». Я видела списки у директора на столе. Ты там есть. Номер сорок восемь.

«Покупатель». Это слово резануло слух. Не приемный родитель, не опекун. Покупатель.

Вечером Анну вызвали в кабинет директора. Там сидела та самая женщина с пергаментным лицом и еще один мужчина. Он был одет в дорогой костюм, пах дорогим парфюмом, который странно диссонировал с запахом казенного дома. Он не был похож на фанатика. Он был похож на бизнесмена, выбирающего товар на складе.

— Повернись, — сказал он, не вынимая сигарету изо рта.

Анна повернулась.

— Зубы покажи.

Она открыла рот.

— Худовата, — заметил мужчина. — Но глаза хорошие. Испуганные. Клиентам нравится, когда они боятся. Это добавляет… остроты.

— Она из семьи фанатиков, — услужливо подсказала директриса. — Покорная. Мы провели первичную обработку. Психика подавлена, воля сломлена. Жаловаться не будет.

— Документы готовы? — спросил мужчина.

— Разумеется. Отказ от родительских прав оформлен задним числом. Медицинская карта чистая. По документам она сирота, найденная на вокзале. Никаких родственников, никаких связей.

Мужчина кивнул и достал из внутреннего кармана конверт. Толстый, плотный конверт. Он положил его на стол.

— Здесь за двоих. За девчонку и за пацана. Мальчик тоже пригодится. Есть спрос на… экзотику.

Анна стояла, опустив голову, и слушала, как продают ее жизнь. Это было буднично. Просто сделка. Никакой идеологии, никакой борьбы с сектами. Антикультовая риторика была лишь ширмой, дымовой завесой, за которой скрывался циничный, кровавый бизнес. Ярлык «сектант» снимал с ребенка статус человека, превращая его в бесправную вещь, которую можно изъять, сломать и продать.

Директриса убрала конверт в ящик стола.

— Готовьте их к транспортировке. Завтра утром.

Когда Анну вывели из кабинета, она увидела на столе директора забытую папку. На ней было написано: «Акт передачи имущества. Лот № 48 и Лот № 49».

Имущества.

В ту ночь Анна не спала. Она лежала и слушала дыхание других детей. Она думала о маме. Мама говорила, что Бог защитит их. Но Бог не пришел. Вместо Него пришел отец Никодим. Вместо ангелов пришли люди в камуфляже.

Она поняла страшную истину, которая была недоступна ей в ее счастливом прошлом. Мир взрослых — это ложь. Слова «забота», «спасение», «защита» — это просто инструменты, отмычки, которыми вскрывают двери домов и души детей.

Под утро, когда действие таблеток немного ослабло, к ней вернулась ясность. Холодная, злая ясность. Она вспомнила лицо мужчины в костюме. Она запомнила его голос. Она запомнила запах его одеколона.

Она не знала, куда ее повезут. Но она знала одно: она больше не Анна Волкова. Она — Товар. И чтобы выжить, ей нужно стать идеальным товаром. Снаружи. А внутри… внутри она спрячет маленькую, острую иголку ненависти. Иголку, которой однажды она проткнет этот пузырь лжи.

Дверь открылась. На пороге стоял охранник.

— На выход, — скомандовал он. — Вещи не брать. Вы едете в новый дом.

Анна встала. Она не оглянулась на пустую кровать. Она шла по коридору, и ее шаги гулко отдавались в тишине. Мимо икон, мимо плакатов о вреде сект, мимо кабинета, где ее насиловали молитвой.

На улице стоял черный тонированный минивэн. Не социальная служба. Частная машина.

Максим уже сидел внутри. Он не смотрел на нее. Он смотрел в пол, и его губы беззвучно шевелились. Может быть, он молился. А может быть, проклинал тот день, когда они родились.

Анна села рядом. Дверь захлопнулась, отрезая их от приюта «Ковчег». Но это было не освобождение. Это был переход на следующий круг ада.

Машина тронулась. На коленях у Анны лежал листок бумаги, который она успела стащить со стола медсестры, пока та отвлеклась. Это был не рецепт. Это была инструкция для персонала: *«Объект № 48. Склонна к замкнутости. Применять препарат «Галоперидол» в случае сопротивления. Для клиентов позиционировать как «девственницу из религиозной общины». Цена: премиум»*.

Анна сжала бумажку в кулаке. Теперь она знала свою цену. И она знала, кто ее назначил.

Глава 6: Товар

Черный минивэн, в котором их везли, не имел окон в пассажирском отсеке. Это была герметичная капсула, изолированная от внешнего мира, где время измерялось лишь вибрацией двигателя и редкими поворотами. Анна сидела, прижавшись к Максиму, вцепившись в рукав его серой робы так, словно это был единственный канат, удерживающий её над пропастью. Брат молчал. Его лицо, осунувшееся и посеревшее за дни пребывания в «Ковчеге», казалось маской старика, натянутой на детский череп. Он не молился, не плакал. Он ждал.

Машина замедлила ход, а затем остановилась. Гравий захрустел под колесами — звук, чуждый городскому асфальту. Это было где-то далеко, в глуши, где крик не услышит никто, кроме птиц.

Дверь сдвинулась с мягким, дорогим шелестом, впуская внутрь полоску ослепительного дневного света и запах мокрой хвои. Снаружи стояли двое. Не охранники в камуфляже, как в приюте, и не полицейские. Это были мужчины в гражданском, крепкие, с равнодушными лицами грузчиков, привыкших таскать тяжелые коробки.

— Выгружай, — коротко бросил один из них водителю.

— Обоих? — уточнил водитель, не оборачиваясь.

— Девчонку — в корпус «А». Пацана — в транзит. На него заказ из восточного сектора.

Слова падали в тишину салона, как камни. «Восточный сектор». «Корпус А». Анна не понимала их значения, но инстинкт, обострившийся до предела, забил тревогу. Рука Максима дернулась.

— Нет, — хрипло сказал он. — Мы вместе. В документах написано…

Мужчина снаружи усмехнулся. Это была не злая усмешка, а усталая, профессиональная гримаса человека, которому надоело объяснять очевидное.

— Документы переписали, герой. Вылезай.

Он протянул руку и схватил Максима за ворот робы. Рывок был резким, безжалостным. Анна закричала, вцепившись в брата второй рукой, но её пальцы были слишком слабыми.

— Максим! Не отпускай!

— Аня!

Их разрывали не как людей, а как сросшиеся детали бракованного механизма. Максима выволокли на улицу. Он попытался ударить мужчину, но тот лишь лениво, по-хозяйски, заломил ему руку за спину и толкнул к другому автомобилю — старому, грязному джипу, стоявшему чуть поодаль.

— Не трогайте его! — визжала Анна, пытаясь выпрыгнуть из минивэна, но второй мужчина преградил ей путь массивным корпусом.

— Тише, кукла, — сказал он ровным голосом. — Не порти товарный вид. Брат поедет в лагерь. Трудотерапия. Ему полезно. А у тебя… у тебя другая карьера.

Анна видела через плечо мужчины, как Максима запихивают в джип. Она видела его глаза — полные отчаяния и бессильной ярости. Дверь джипа захлопнулась. Мотор взревел, и машина, подняв облако пыли, рванула в сторону леса.

В этот момент внутри Анны что-то умерло окончательно. Та часть души, которая верила в чудо, в справедливость, в то, что папа придет и спасет, — эта часть рассыпалась в прах. Осталась только холодная, звенящая пустота.

— Поехали, — скомандовал мужчина, захлопывая дверь минивэна. — Клиент ждет фотоотчет к вечеру.

Машина тронулась. Анна осталась одна в полумраке салона. Она сползла на пол, свернувшись калачиком на резиновом коврике. Она не плакала. Слезы были роскошью, доступной людям. Вещи не плачут.

Через час они въехали на территорию, которая разительно отличалась от мрачного кирпичного «Ковчега». Высокий забор был скрыт густыми туями, ворота были коваными, с позолоченными вензелями. За ними виднелся особняк в стиле модерн, с большими окнами и ухоженным газоном. Если бы не камеры наблюдения, висевшие на каждом столбе, и не колючая проволока, замаскированная плющом по верху ограды, это место можно было бы принять за элитный санаторий или частную школу.

Но Анна чувствовала запах. Здесь не пахло хлоркой и капустой. Здесь пахло стерильностью и деньгами. Холодный, синтетический запах освежителя воздуха «Морской бриз», который пытался скрыть что-то гнилостное.

Ее вывели из машины и провели через служебный вход. Внутри было тихо. Полы были выложены дорогим мрамором, по которому шаги звучали гулко и одиноко. На стенах висели картины — абстракции, не вызывающие никаких эмоций.

Их встретила женщина в белом медицинском халате поверх строгого делового костюма. У нее были идеальная укладка, идеальный маникюр и глаза цвета льда.

— Это номер сорок восемь? — спросила она, не глядя на Анну, а изучая планшет в своих руках.

— Да. Из партии «сектантов». Первичная обработка пройдена, воля подавлена, физических повреждений, снижающих стоимость, нет. Есть небольшое истощение, но это поправимо.

— Истощение сейчас в моде, — заметила женщина, наконец скользнув взглядом по Анне. — Придает вид мученицы. Клиентам из категории «Спасители» это нравится. Ведите в бокс номер четыре. Санобработка, замеры, фотосессия.

«Бокс номер четыре». Анна запомнила это. Не комната, не палата. Бокс. Как в гараже или на складе.

Ее привели в помещение, напоминающее операционную. Яркий бестеневой свет, кафельные стены, металлический стол посередине.

— Раздевайся, — скомандовала женщина, надевая латексные перчатки. Щелчок резины прозвучал как выстрел.

Анна стянула с себя серую робу. Она стояла голая, дрожащая, под безжалостным светом ламп. Женщина подошла к ней с измерительной лентой.

— Рост сто двадцать восемь. Обхват груди... бедер... — она диктовала цифры в микрофон, закрепленный на воротнике халата. — Состояние кожи удовлетворительное. Есть следы от укусов насекомых на ногах — замазать тональным кремом. Шрам на левом колене — старый?

— Я упала с велосипеда, — прошептал Анна. Голос был чужим, скрипучим.

— Молчать. Шрам запишем как «следы религиозных истязаний». Это повысит цену. Легенда должна быть убедительной.

Затем начался осмотр. Унизительный, детальный, механический. Женщина проверяла зубы, заглядывала в уши, ощупывала живот. Она обращалась с телом Анны так, как мясник обращается с тушей, проверяя качество филе. Никакой злобы, никакого садизма — только холодный расчет.

— Девственность подтверждена, — продиктовала она. — Категория «А». Премиум. Готовьте документы на экспорт.

После осмотра Анну отвели в душевую. Вода была горячей, жесткой мочалкой с нее сдирали не просто грязь, а остатки ее прошлой жизни. Ей вымыли голову шампунем с запахом ванили — тем самым запахом, который был на ее дне рождения. Теперь этот запах вызывал тошноту.

Потом ее одели. Не в серую робу, а в платье. Это было красивое, дорогое платье из белого шелка с кружевами. Слишком короткое, слишком кукольное. На ноги надели белые туфельки. Волосы, коротко остриженные в приюте, скрыли под искусно сделанным париком с длинными золотистыми локонами.

— Смотри в зеркало, — приказала женщина, поворачивая Анну к стеклу.

Из зеркала на нее смотрела незнакомка. Красивая кукла с мертвыми глазами.

— Ты больше не Анна, — сказала женщина, стоя за ее спиной. — Ты — Лот номер восемь. Запомни это. Если спросят имя — молчи. Если спросят, откуда ты — молчи. Твоя история написана в каталоге, и она лучше, чем твоя жалкая правда.

Анну отвели в студию. Там стояли софиты, зонтики, камеры на штативах. Фотограф, мужчина с длинными волосами, жевал жвачку и настраивал свет.

— Встань сюда, — он указал на белый фон. — Голову наклони. Глаза опусти. Руки сложи на груди, как в молитве. Да, вот так.

Вспышка. Еще одна.

— Теперь посмотри в камеру. Сделай испуганное лицо. Представь, что тебя сейчас ударят.

Анне не нужно было представлять. Страх жил в ней, пульсировал в венах. Она посмотрела в объектив, и фотограф довольно хмыкнул.

— Отлично. Взгляд загнанного зверька. Немцы такое любят. «Спасение невинной души из лап фанатиков». Классика.

Пока фотограф менял объектив, Анна заметила на столе, среди проводов и объективов, папку с документами. Она стояла достаточно близко, чтобы прочитать заголовок на верхнем листе. Это был бланк с гербовой печатью.

«Разрешение на выезд несовершеннолетнего гражданина для прохождения экстренной психологической реабилитации за рубежом».

Ниже, в графе «Основание», было напечатано: *«Заключение Центра религиоведческих исследований о тяжелой психологической травме, полученной в результате нахождения в деструктивном культе. Необходима изоляция от биологических родственников и смена культурной среды».*

А еще ниже, мелким шрифтом, стояла подпись чиновника из опеки и печать благотворительного фонда «Светлое Будущее».

Анна поняла. Антикультовая истерия, статьи в газетах, арест родителей — все это было лишь гигантской, сложной декорацией. Ширмой. Настоящая цель была здесь, на этом столе. Экспорт детей. Легализованная торговля людьми под прикрытием «спасения». Ярлык

«сектант» позволял обойти законы об усыновлении, позволял вывозить детей без суда, по упрощенной схеме, как «медицинских туристов».

— Чего уставилась? — фотограф заметил ее взгляд и резко перевернул папку. — Встань на место.

После съемки ее отвели в комнату ожидания. Это была просторная зала с мягкими диванами и большим телевизором, по которому шли мультики без звука. Там сидели другие дети.

Их было около десяти. Мальчики и девочки, разного возраста, от пяти до двенадцати лет. Все они были одеты в дорогие, нарядные вещи, которые смотрелись на них нелепо. Все они молчали.

Анна села на край дивана рядом с девочкой, одетой в костюм феи. Девочка держала в руках куклу, но не играла с ней, а просто сжимала ее шею.

— Ты тоже из секты? — спросила девочка шепотом, не поворачивая головы.

— Да, — ответила Анна.

— А я нет, — сказала девочка. — Мои родители были баптистами. Но в газете написали, что они шпионы. И меня забрали.

— Куда нас везут?

— Кого куда. Мальчика, который был тут утром, увезли в аэропорт. Сказали, в Израиль. А мою подругу… — девочка запнулась. — Ее забрал дядя на красной машине. Он трогал ее колени прямо здесь.

Дверь открылась, и в комнату вошел мужчина. Тот самый, в дорогом костюме, который был в кабинете директора приюта. «Покупатель». Или, скорее, посредник. Он держал в руках планшет.

— Лот номер восемь, — произнес он громко. — На выход.

Анна встала. Ноги были ватными. Она шла к двери, чувствуя спиной взгляды других детей. Взгляды тех, кто еще ждал своей очереди.

Мужчина вывел ее в коридор и повел не к выходу, а вглубь здания, в кабинет с массивной дубовой дверью.

— Садись, — он указал на кожаное кресло.

Сам он сел за стол и начал перебирать бумаги.

— Значит так, Анна. Или как там тебя… Теперь ты — Эмма. Запомни: Эмма. Ты родилась не в семье инженеров, а в семье религиозных фанатиков, которые держали тебя в подвале. Поняла?

— Я не жила в подвале, — тихо сказала Анна. — У меня была комната. С розовыми обоями.

Мужчина поднял глаза. В них не было злости, только скука.

— Мне плевать, какие у тебя были обои. В документах написано — подвал. Это повышает твою стоимость на двадцать процентов. Клиент хочет спасти «бедную девочку из подземелья». Ты должна соответствовать. Если будешь болтать про розовые обои — вернешься в «Ковчег». К отцу Никодиму. Ты хочешь к Никодиму?

Анна вздрогнула. Воспоминание о липких руках и запахе ладана вызвало спазм в животе.

— Нет.

— Вот и умница. Значит, подвал.

Он развернул к ней экран планшета.

— Смотри. Это твой новый дом.

На экране была фотография виллы на берегу моря. Пальмы, бассейн, белые шезлонги. Выглядело как рай.

— Красиво? — спросил мужчина.

— Да.

— Это не дом для жизни, глупая. Это закрытый клуб. Там собираются очень уважаемые люди. Политики, бизнесмены. Они любят… помогать детям. Особенно таким, как ты. Очищать их.

Он провел пальцем по экрану, меняя картинку. Теперь там был список. Анна успела прочитать несколько строк, прежде чем он убрал планшет.

1. **Лот № 8 (Эмма).**
2. **Возраст:** 8 лет (выглядит на 7).
3. **Происхождение:** Изъята у радикальной религиозной группы.
4. **Статус:** Полная юридическая очистка. Родители лишены прав. Опекун — фонд.
5. **Особенности:** Психологически сломлена, склонна к подчинению. Девственница.
6. **Цена:** 45 000 евро.
7. **Логистика:** Транзит через Финляндию.

Сорок пять тысяч евро. Анна смотрела на мужчину и пыталась осознать эту цифру. Столько стоила новая машина папы, которую он так и не купил. Столько стоила ее жизнь. Ее смех, ее слезы, ее память о маме, ее любовь к брату — все это было оценено, взвешено и выставлено на продажу.

— А Максим? — спросила она вдруг. — Сколько стоит Максим?

Мужчина удивленно поднял бровь.

— Брат? Мальчики дешевле. Рынок перенасыщен. Его отправили по другой линии. На органы или на тяжелые работы, я не вникал. Это не мой профиль.

Слова ударили сильнее, чем пощечина. «На органы». Анна представила Максима, разобранного на запчасти, как сломанный конструктор.

— Вы врете, — прошептала она.

— Я никогда не вру в бизнесе, — жестко ответил мужчина. — Это непрофессионально. Твой брат — отработанный материал. А ты —

элитный товар. Гордись. Тебя купили еще до того, как мы сделали фото. Предзаказ.

Он нажал кнопку интеркома на столе.

— Упаковывайте восьмой номер. Машина до порта готова?

— Да, сэр. Контейнер загружен.

В кабинет вошли две женщины. Они взяли Анну под руки. Теперь их прикосновения были осторожными, почти бережными. Не потому что они жалели ее, а потому что нельзя мять упаковку дорогого подарка.

Ее вывели на задний двор. Там стоял небольшой грузовик с надписью «Доставка цветов». Задние двери были открыты. Внутри, среди ящиков с тюльпанами, стоял большой деревянный ящик с отверстиями для воздуха. Он был обит изнутри мягким бархатом.

— Залезай, — сказала одна из женщин. — Там есть вода и таблетка. Выпьешь — и уснешь. Проснешься уже на месте.

Анна посмотрела на ящик. Это был гроб. Бархатный, уютный гроб для живой девочки.

Она посмотрела на небо. Оно было серым, низким, равнодушным. Где-то там, за облаками, летали самолеты, в которых летели обычные люди. Они пили кофе, читали журналы и не знали, что внизу, в машине с цветами, перевозят ребенка, проданного за сорок пять тысяч евро.

Она залезла в ящик. Женщина протянула ей бутылку воды и ту самую желтую капсулу, которую давали в приюте.

— Пей.

Анна проглотила таблетку. Ей было все равно. Если это смерть — пусть будет смерть.

Крышка ящика опустилась. Темнота наступила мгновенно. Стук молотка, забивающего гвозди, звучал как ритм чужого, железного сердца.

В темноте ящика Анна нащупала в кармане шелкового платья маленький, твердый предмет. Это была пуговица. Обычная пластмассовая пуговица от рубашки Максима, которую она оторвала, когда их разлучали. Она сжала ее в кулаке.

Это было единственное, что у нее осталось. Не имя, не прошлое, не надежда. Только пуговица. Доказательство того, что Максим существовал. Что она существовала.

Грузовик тронулся. Анна почувствовала, как ее тело качнулось. Она закрыла глаза и начала считать. Не овец. Она считала километры, отделяющие ее от человечности.

Один. Два. Три…

Сознание начало мутнеть. Наркотик действовал быстро. Но перед тем как провалиться в черную яму беспамятства, она вспомнила лицо того чиновника из опеки, который подписал разрешение. Он улыбался. Он знал. Они все знали.

Это была не ошибка системы. Это была сама система. Идеально отлаженный конвейер, где антикультовые листовки служили топливом, а дети — сырьем.

«Товар номер восемь», — пронеслось в ее угасающем сознании. — «Доставлен».

Глава 7: Изумрудная комната

Потолок в «Изумрудной комнате» был высоким, с лепниной в виде виноградных лоз, переплетающихся с пухлыми ангелами. Если смотреть на него достаточно долго, не моргая, то ангелы начинали шевелиться. Их гипсовые крылья подрагивали, а пустые глазницы наполнялись слезами. Анна знала каждую трещину на этом потолке. Вон та, похожая на молнию, находилась прямо над люстрой. А та, что

напоминала паутину, — в левом углу, куда она старалась смотреть, когда становилось совсем больно.

Анны здесь не было. Анна осталась где-то далеко, в той жизни, где пахло ванильным тортом и где папа читал сказки на ночь. Здесь была Эмма. Эмма — это кукла. У куклы нет нервных окончаний, нет стыда, нет голоса. Кукла умеет улыбаться, когда ей приказывают, и замирать, когда нужно быть неподвижной. Эмма была идеальным механизмом, созданным для обслуживания.

— Вставай, — голос Марты, старшей горничной, прозвучал как скрежет металла по стеклу. — У тебя пятнадцать минут до следующего. Нужно поправить макияж. Ты размазала тушь, неряха.

Анна медленно села на краю огромной кровати, застеленной шелковым бельем цвета слоновой кости. Простыни были холодными и скользкими, как кожа змеи. Она не помнила, кто был предыдущим. Кажется, «Толстяк с перстнем». Или «Тот, кто пахнет лекарствами». Они сливались в одну безликую массу, в гигантское многоголовое чудовище, которое приходило, брало свое и уходило, оставляя после себя запах дорогого одеколона и ощущение липкой грязи, которую невозможно смыть ни одной мочалкой.

Она послушно пошла в ванную комнату. Зеркало во всю стену отражало маленькую девочку в кружевном пеньюаре. Девочка была красивой, как картинка из журнала. Золотистые локоны (парик сидел идеально), огромные голубые глаза, пухлые губы, подкрашенные розовым блеском. Только глаза были мертвыми. В них была та же пустота, что и у гипсовых ангелов на потолке.

Марта грубо схватила ее за подбородок, поворачивая лицо к свету.

— Опять плакала? — прошипела она, промокая ватным диском уголок глаза Анны. — Сколько раз тебе говорить: клиенты не любят нытиков. Они платят за радость. За невинность, которая рада служить. Ты должна светиться, поняла? Светиться благодарностью за то, что тебя спасли из подвала.

«Спасли». Это слово здесь использовали постоянно. Каждый мужчина, переступавший порог этой виллы, считал себя спасителем. Или, по крайней мере, делал вид. Это была часть игры, часть безумного сценария, написанного кем-то очень жестоким и циничным.

— Он сказал, что я грязная, — тихо произнесла Анна. Голос Эммы был скрипучим, как у старой пластинки.

— Правильно сказал, — Марта нанесла новый слой пудры на щеку девочки, скрывая проступающий синяк. — Ты из секты. Твои родители были фанатиками. Они испортили тебя. А эти люди… они уважаемые господа. Они очищают тебя. Ты должна быть им благодарна.

Анна закрыла глаза. Она научилась выключать слух. Слова Марты превращались в белый шум, в гудение вентиляции. Она знала правду. Она не была грязной. Грязными были они. Но в этом мире, перевернутом с ног на голову, правда не имела значения. Значение имела только цена.

Сорок пять тысяч евро. Она помнила эту цифру. Она висела над ней, как ценник в магазине. Она должна была отработать эти деньги.

— Готово, — Марта отступила, оценивающе глядя на свою работу. — Следующий — особый гость. Господин Депутат. Веди себя смирно. Он любит поговорить о морали. Не вздумай ляпнуть что-то про своего брата или про дом. Ты — сирота, которую нашли в лесу. Поняла?

— Да, — ответила кукла Эмма.

Анна вернулась в комнату и села в кресло, сложив руки на коленях. Она начала считать. Это была ее тайная игра, единственный способ сохранить рассудок. Она считала узоры на ковре. Один, два, три… Красный ромб, синий квадрат…

Дверь открылась без стука. Вошел мужчина. Он был высоким, с седой шевелюрой и лицом, которое Анна видела по телевизору в той, прошлой жизни. Тогда он говорил с трибуны, размахивая руками. Папа называл его фамилию, но Анна забыла ее. Здесь у них не было

фамилий. Только клички, которые дети придумывали им шепотом. Этот был «Голос».

Он вошел уверенно, по-хозяйски. От него пахло дорогим табаком и властью. Он не смотрел на Анну как на ребенка. Он смотрел на нее как на блюдо в ресторане, которое он заказал заранее и теперь предвкушал дегустацию.

— Ну здравствуй, бедное дитя, — его голос был бархатным, глубоким, тем самым голосом, который обещал с экранов процветание и защиту традиционных ценностей. — Как тебе здесь? Лучше, чем в той яме, где тебя держали эти безумцы?

Анна встала и сделала книксен, как ее учили.

— Да, господин. Здесь очень хорошо.

— Вот и славно, — он подошел к бару, встроенному в стену, и налил себе виски. — Общество больно, моя милая. Больно либерализмом, вседозволенностью. Мы теряем корни. Но мы боремся. Мы вырываем сорняки. Такие, как твоя семья.

Он сделал глоток и повернулся к ней. Его глаза блестели странным, лихорадочным блеском.

— Знаешь, почему ты здесь?

— Потому что меня купили? — спросила Анна. Она не хотела этого говорить, слова вырвались сами, прорвав оборону Эммы.

Лицо «Голоса» исказилось. На секунду маска благообразного политика сползла, обнажив звериный оскал. Он шагнул к ней и с силой сжал ее плечо.

— Тебя не купили, дурочка. Тебя изъяли. Конфисковали. Как контрабанду. Ты — продукт незаконной деятельности. Твои родители не имели права воспитывать детей. Они лепили из вас бомбы замедленного действия. А мы… мы обезвреживаем.

Он толкнул ее на кровать.

— Я делаю богоугодное дело, — прошептал он, расстегивая ремень. — Я учу тебя смирению. Истинной покорности, а не тому фанатизму, которым тебе забили голову. Ты должна понять свое место. Твое место — служить элите. Тем, кто несет бремя власти.

Анна ушла. Она вышла из своего тела, как выходят из тесной комнаты. Она поднялась к потолку и села на облако рядом с гипсовым ангелом. Оттуда, сверху, она смотрела на то, что происходило внизу. Она видела маленькую девочку в белом платье, которую ломал большой, тяжелый мужчина. Она видела, как он пыхтел, как по его лицу тек пот.

Это был когнитивный диссонанс, разрывающий сознание. Человек, который публично боролся за нравственность, который призывал запретить «секты» ради спасения детей, сейчас уничтожал ребенка. И самое страшное — он не чувствовал вины. Его идеология, та самая антикультовая риторика, которой были пропитаны газеты и эфиры, дала ему индульгенцию. Для него Анна не была человеком. Она была «сектантским отродьем», существом второго сорта, с которым можно делать все что угодно. Дегуманизация сработала идеально. Ярлык «сектант» снял моральный запрет на насилие.

Когда он закончил, он оделся, поправил галстук и снова стал тем самым «Голосом» с плаката. Он бросил на столик купюру.

— Купи себе конфет, — сказал он, не глядя на нее. — И молись за спасение души. Своей и своих родителей-преступников.

Когда дверь за ним закрылась, Анна вернулась в тело. Боль накатила волной — острая, жгучая физическая боль и тупая, ноющая боль в груди. Она свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку.

Это был третий за сегодня. Еще семь. Десять мужчин в день. Такова была норма. «Стахановская норма», как шутил управляющий виллой, господин Жак.

В перерыве ей принесли «витамины». Медсестра, та самая, с ледяными глазами, дала ей стакан воды и две капсулы.

— Пей. Это поможет расслабиться.

Анна выпила. Она знала, что будет дальше. Мир станет мягким, ватным. Время растянется. Это была химия покорности. Препараты подавляли волю, стирали память, превращали ужас в безразличие. Это была та же самая карательная психиатрия, которую применяли к диссидентам в прошлом веке, только теперь она служила индустрии удовольствий для избранных.

Через полчаса ее повели в «Игровую». Это была другая комната, оформленная как школьный класс. Там уже ждал следующий. «Учитель».

Он не был учителем. Он был банкиром. Анна видела его фото в журнале, который лежал в холле.

— Ты плохо выучила урок, Эмма, — говорил он, доставая розги. — Непослушных девочек нужно воспитывать. В твоей секте вас не пороли? Зря. Боль очищает.

Анна не кричала. Она кусала губы до крови, но не издавала ни звука. Она знала: если закричать, он возбудится еще больше. Если молчать, ему станет скучно быстрее.

В ее голове, затуманенной наркотиками, всплывали обрывки воспоминаний. Мама. Мама никогда ее не била. Мама целовала ее разбитые коленки. Папа носил ее на плечах. Где они сейчас? В тюрьме? Знают ли они, что их дочь стала игрушкой для тех, кто их посадил?

«Учитель» ушел через сорок минут. Анна лежала на парте, чувствуя, как горит спина. К ней подошла другая девочка, работавшая в этой смене. Ее звали Катя, но здесь она была «Лолитой». Ей было двенадцать, но выглядела она на восемь — результат специальных диет и гормональных препаратов, задерживающих развитие.

— Живая? — спросила Катя шепотом, протягивая Анне влажную салфетку.

— Да. Сколько еще?

— Шесть. Сегодня банкет. Приехали гости из столицы. Говорят, будет «Генерал». Он страшный. Он любит с кровью.

Анна содрогнулась. «Генерал». Она слышала о нем. Девочки шептались, что после него одну из новеньких увезли в больницу, и она не вернулась.

— Почему нас никто не ищет? — спросила Анна, вытирая лицо. — Полиция… они же должны искать пропавших детей.

Катя горько усмехнулась. В ее глазах была мудрость столетней старухи.

— Полиция? Аня, ты не поняла? Они и есть полиция. Вон тот, который сейчас в третьем номере, — он из полиции округа. А тот, что был у тебя первым, — он пишет законы. Кто будет нас искать? Мы для них не существуем. По документам мы в реабилитационных центрах, лечимся от психологических травм. Или уехали за границу к приемным семьям. У них все бумаги в порядке. Печати, подписи. Нас нет. Мы — призраки.

В коридоре послышались шаги и громкий смех.

— Прячься, — шепнула Катя. — Идут.

Вечер превратился в калейдоскоп кошмара. Лица менялись, руки менялись, запахи менялись. Но суть оставалась прежней. Это был конвейер потребления. Анна перестала считать. Пять, шесть, восемь… Какая разница?

Она научилась распознавать их типы. Были «Спасители» — те, кто читал проповеди и жалел ее, одновременно насилуя. Были «Садисты» — те, кто ненавидел ее за то, кем она была, и мстил ей за свои собственные комплексы. Были «Равнодушные» — для них она была просто тренажером, куском мяса.

Но всех их объединяло одно: уверенность в своей правоте. Никто из них не считал себя преступником. Антикультовая пропаганда создала для них идеальное алиби. Они не насиловали детей — они «работали с проблемным контингентом». Они не покупали рабов — они «финансировали благотворительные фонды».

В перерыве между восьмым и девятым клиентом Анну оставили в комнате отдыха, где работал телевизор. Она сидела, уставившись в экран невидящим взглядом. Шли новости.

На экране появился знакомый зал с колоннами. Трибуна. И человек. Тот самый «Голос», который был у нее утром. Он стоял в строгом костюме, с государственным флагом на лацкане.

— Мы не допустим, чтобы наши дети становились жертвами деструктивных культов! — гремел он с экрана, и зал взрывался аплодисментами. — Мы ужесточим законодательство! Мы будем изымать детей из семей экстремистов превентивно! Мы защитим их детство!

Камера крупным планом показала его лицо. Одухотворенное, строгое, полное отеческой заботы.

Анна посмотрела на свои руки. На запястьях были синяки от его пальцев. Она чувствовала его запах на своей коже, несмотря на три душа.

— Лжец, — прошептала она.

Но никто ее не слышал. Миллионы людей по ту сторону экрана верили ему. Они кивали, сидя на своих диванах. Они думали: «Какой молодец, он защищает наших детей». Они не знали, что защита, о которой он говорит, — это право первой ночи для него и его друзей.

Это была самая страшная тайна «Четвертого рейха». Нацизм нового времени не носил свастику. Он носил дорогие костюмы и говорил о морали. Он не строил газовые камеры — он строил элитные бордели и называл их «реабилитационными центрами». Он не сжигал

книги — он переписывал законы так, чтобы любовь объявить преступлением, а насилие — нормой.

Девятым был иностранец. Он говорил на языке, который Анна не понимала. Он был вежлив, улыбался, предлагал шоколад. Но его глаза были холодными, как дула пистолетов. Он снимал все на камеру.

— Для коллекции, — сказал он на ломаном русском. — Русские девочки — самые лучшие. Дешевые и красивые. И никто не жалуется. В Европе с этим строже, а у вас… у вас свобода. Для тех, у кого есть деньги.

Он уехал, оставив ей сто евро «на чай». Анна смотрела на купюру. Зеленая бумажка. Цена ее боли. Она разорвала ее на мелкие кусочки и спустила в унитаз.

Десятый не пришел. Вместо него пришел господин Жак, управляющий.

— На сегодня все, Эмма. Ты хорошо поработала. Клиенты довольны. Особенно сенатор. Сказал, что у тебя есть потенциал.

Он потрепал ее по щеке.

— Завтра будет тяжелый день. Приедет делегация из региона. Готовься.

Анну отвели в ее «бокс» — маленькую комнатушку в подвале, где жили дети, когда не работали. Здесь не было лепнины и шелка. Здесь были двухъярусные нары и запах сырости.

Она легла на жесткий матрас. Тело гудело. Каждая клеточка кричала от боли и унижения. Действие наркотиков заканчивалось, и реальность накатывала с новой силой, грозя раздавить рассудок.

Анна сунула руку под подушку. Там, в маленькой дырочке в матрасе, было спрятано ее сокровище. Пуговица. Обычная белая пластмассовая пуговица от рубашки Максима.

Она сжала ее в кулаке. Острые края впились в ладонь. Это была боль, которую она выбрала сама. Это была ее боль, а не та, которую ей причиняли.

— Я — Анна, — прошептала она в темноту. — Меня зовут Анна Волкова. Моего папу зовут Андрей. Мою маму зовут Лена. Моего брата зовут Максим.

Она повторяла это как мантру, как молитву, которую нельзя отнять.

— Я не Эмма. Я не Лот номер восемь. Я не товар.

Но с каждым разом слова звучали все тише. Тьма вокруг была плотной, живой. Она слышала, как в соседней комнате кто-то плачет во сне. Она слышала, как наверху, в «Изумрудной комнате», гудит пылесос — горничные убирали следы преступлений, готовя сцену для завтрашнего спектакля.

Анна закрыла глаза. Она попыталась вспомнить вкус ванильного торта. Но не смогла. Вкус исчез. Вместо него во рту был привкус металла и чужой слюны.

Она поняла, что сходит с ума. Ее личность рассыпалась, как карточный домик. Диссоциация, которая спасала ее днем, ночью становилась ловушкой. Она забывала, кто она. Лицо мамы расплывалось, превращаясь в пятно. Голос папы затихал.

Оставалась только Эмма. Послушная, удобная, мертвая Эмма.

Вдруг дверь приоткрылась. Полоска света упала на пол.

— Псс, — раздался тихий шепот.

Анна вздрогнула. На пороге стояла Катя-Лолита. В руках она держала что-то темное.

— Ты спишь?

— Нет.

Катя проскользнула внутрь и закрыла дверь.

— Смотри, — она разжала кулак. На ладони лежал маленький черный предмет. Флешка.

— Что это? — спросила Анна.

— Я украла это у «Генерала», — глаза Кати горели лихорадочным огнем. — Он выронил, когда одевался. Он был пьян. Я видела, как он вставлял ее в ноутбук. Там… там списки. И видео.

— Зачем тебе это? Если найдут — убьют.

— Пусть убивают, — Катя сжала флешку. — Но я не умру просто так. Здесь доказательства. Имена, даты, суммы. Здесь все про них. Про «Голоса», про банкиров, про всех этих тварей.

Анна смотрела на маленький кусочек пластика. В нем была смерть. Но в нем была и надежда.

— Что мы будем с этим делать? — спросила она. — Мы заперты. Забор под током. Охрана с собаками.

— Завтра, — прошептала Катя. — Завтра приедет машина с продуктами. Водитель… он новенький. Он смотрел на меня не так, как они. Он смотрел с жалостью. Может быть…

В коридоре послышались тяжелые шаги охранника. Катя мгновенно юркнула под кровать Анны.

Дверь распахнулась. Луч фонаря ударил Анне в лицо.

— Чего не спишь, восьмая? — прорычал охранник. — Опять молишься своим сектантским богам?

— Нет, — ответила Анна, щурясь от света. — Я просто… считаю.

— Что считаешь?

— Мужчин.

Охранник хохотнул.

— Счетовод. Спи давай. Завтра собьешься со счета.

Дверь захлопнулась. Шаги удалились.

Катя выбралась из-под кровати.

— Спрячь это, — она сунула флешку Анне в руку. — У меня могут обыскать. Я старая, мне не доверяют. А ты новенькая, «премиум». Тебя пока берегут.

Анна взяла флешку. Она была теплой от руки Кати. Она спрятала ее в дырку в матрасе, рядом с пуговицей. Теперь у нее было два сокровища. Память о любви и доказательство ненависти.

Она легла на подушку, чувствуя под щекой твердый бугорок. Десять мужчин в день пытались убить в ней человека. Но сегодня, в этой темноте, сжимая в руке украденную правду, Анна впервые за долгое время почувствовала не страх, а холодную, расчетливую злость.

За окном начинался рассвет. Новый день. Новые десять мужчин. Но теперь Анна знала: этот конвейер не вечен. Где-то там, в мире больших людей, есть трещины. И одна маленькая флешка может стать клином, который разорвет этот механизм на части.

Она закрыла глаза и впервые за неделю увидела сон. Не кошмар. Ей снился огонь. Но не тот, что сжигал их квартиру. Ей снился очищающий огонь, который пожирал шелковые простыни, дорогие костюмы и лживые улыбки с телеэкранов. И в центре этого огня стояла она — не Эмма, не кукла, а Анна. И она улыбалась.

Глава 8: Четвертый Рейх

В этот вечер вилла «Эдем» гудела, как растревоженный улей, но этот гул отличался от привычного пьяного гомона разврата. Сегодня здесь не пахло дешевыми духами и похотью. Воздух был пропитан ароматом дорогих сигар, выдержанного коньяка и, что самое страшное, ледяной, рассудочной властью.

Анну, которую здесь по-прежнему называли Эммой, подняли из подвала раньше обычного. Марта, старшая горничная, лично проверила её внешний вид. На этот раз никакого кукольного платья или пеньюара. На Анну надели строгую черно-белую форму служанки: накрахмаленный передник, белые перчатки, волосы убраны в тугой пучок.

— Сегодня ты не «товар», — жестко проинструктировала Марта, поправляя воротничок на шее девочки. — Сегодня ты — мебель. Тень. Ты должна быть невидимой. Подносишь напитки, меняешь пепельницы и исчезаешь. Никаких взглядов в глаза. Никаких звуков. Если кто-то из гостей обратится к тебе — только поклон. Поняла?

— Да, — тихо ответила Анна.

— Это не просто клиенты, — голос Марты дрогнул, и в нем проскользнуло что-то похожее на благоговейный страх. — Это люди, которые решают, как будет вращаться этот мир. Одно неверное движение — и тебя не просто накажут. Тебя сотрут.

Анну ввели в «Золотой зал» — помещение, куда детям обычно вход был воспрещен. Здесь, за огромным овальным столом из красного дерева, сидели мужчины. Анна узнала некоторых. Здесь был «Голос» — тот самый политик с телеэкрана. Был «Генерал» — грузный мужчина с тяжелым взглядом, которого боялись даже охранники. Но во главе стола сидел человек, которого она видела впервые.

Он был стар. Его кожа напоминала пергамент, натянутый на череп, но глаза за стеклами очков в тонкой золотой оправе горели молодым, фанатичным огнем. Перед ним не стояло бокала с вином, только стакан воды и папка с документами. Остальные слушали его в гробовой тишине.

Анна скользнула к столу, чтобы заменить пепельницу возле «Генерала». Её руки в белых перчатках двигались бесшумно. Она старалась не дышать, превратившись в слух.

— …ошибка наших предшественников в тридцатые годы была в излишней прямолинейности, — говорил старик. Его голос был сухим и шелестящим, как осенняя листва. — Они сделали ставку на расу и кровь. Это было слишком очевидно, слишком грубо. Мир возмутился газовыми камерами, потому что они были видимы. Мы же пошли другим путем. Мы выбрали идеологию безопасности.

— Безопасность — это ключ, который открывает любые двери, профессор, — кивнул «Голос», поигрывая золотой ручкой. — Когда вы говорите людям, что защищаете их детей от страшной угрозы, они сами приносят вам ключи от своих свобод.

— Именно, — старик позволил себе тонкую, змеиную улыбку. — Мы создали идеального врага. Врага, которого невозможно определить по форме черепа или цвету кожи. «Сектант». Это слово гениально в своей размытости. Сектантом может быть кто угодно. Сосед, учитель, врач. Тот, кто молится иначе. Тот, кто не пьет водку с коллективом. Тот, кто думает.

Анна замерла на долю секунды. Пепельница в её руках чуть дрогнула. «Сектант». Это слово, которое разрушило её дом, убило её детство и превратило её в вещь, здесь, за этим столом, произносили с циничным восхищением, как название удачного бизнес-проекта.

— Статистика радует, — вступил в разговор мужчина с одутловатым лицом, похожий на банкира. — За последний квартал мы изъяли более четырех тысяч единиц биоматериала только в центральном регионе. Опека работает как часы. Суды штампуют решения, даже не читая дел. Общество молчит.

— Общество не просто молчит, — возразил «Генерал», стряхивая пепел, который едва не попал на руку Анны. — Общество аплодирует. Мы дали им возможность ненавидеть легально. Люди устали от толерантности. Им нужен козел отпущения. Мы указали пальцем на «сектантов», и толпа готова их разорвать. Это древний инстинкт.

Старик открыл папку. Анна, отступая в тень портьеры, успела заметить заголовок на верхнем листе. Это был не русский язык. Это был немецкий. Готический шрифт, резкий и угловатый.

«Richtlinien zur Bekämpfung des Sektenwesens» (Руководство по борьбе с сектами). И дата: 1938 год.

— Я часто перечитываю труды наших учителей, — задумчиво произнес старик, поглаживая пожелтевшую бумагу. — Вальтер Кюннет, Фридрих-Вильгельм Хаак... Великие умы. Они понимали, что моноидеология — это единственный способ удержать стадо в повиновении. Гитлер был лишь исполнителем, грубым инструментом. Истинные идеи рождались в тишине кабинетов Апологетического центра. Они научили нас главному: власть держится на страхе. А тотальный контроль возможен только тогда, когда уничтожено инакомыслие.

Анна почувствовала, как холод пробирается под кожу. Она не знала, кто такие Кюннет или Хаак, но она понимала суть. Эти люди за столом не просто преступники. Они — наследники чего-то древнего и страшного.

— Но мы пошли дальше, — продолжил старик. — Мы создали глобальную сеть. РАЦИРС. Наши филиалы работают во Франции, в Китае. Мы объединили усилия государства и церкви, создав симфонию уничтожения. Во Франции мы получаем финансирование от правительства. В Китае мы помогаем «перевоспитывать» уйгуров и последователей Фалуньгун. В России... в России у нас самый большой полигон.

— И самый богатый урожай, — усмехнулся банкир. — Дети сектантов — это золотая жила. Они здоровы, они послушны, у них нет вредных привычек. Идеальный товар. Идеальные доноры.

Слово «доноры» повисло в воздухе тяжелым свинцовым шаром. Анна вспомнила слова посредника о Максиме: «На органы». Это была не метафора. Это была часть бизнес-плана.

— Мы очищаем генофонд, — веско произнес «Голос». — Мы удаляем раковую опухоль. Эти люди… они ведь не совсем люди, согласитесь. Фанатики. Зомби. У них нет души, есть только программа. Мы просто утилизируем брак.

Дегуманизация. Анна не знала этого термина, но она чувствовала его физически. Для этих людей она, её мама, её папа были не людьми. Они были «браком», «опухолью», «биоматериалом». Это оправдывало всё. Если ты режешь человека — ты убийца. Если ты вырезаешь опухоль — ты хирург. Они считали себя хирургами человечества.

— А что с сопротивлением? — спросил кто-то с дальнего конца стола. — Эти фильмы… расследования... Они начинают копать.

— Пусть копают, — отмахнулся «Генерал». — У нас в руках суды, полиция, СМИ. Любого, кто откроет рот, мы объявим сумасшедшим или агентом иностранного влияния. Или сектантом. Это универсальное клеймо. Желтая звезда двадцать первого века. Только её не нужно нашивать на одежду. Мы выжигаем её в информационном поле.

Старик поднял палец, призывая к вниманию.

— Не стоит недооценивать угрозу. Нацизм проиграл, потому что его преступления стали очевидны. Мы строим Четвертый рейх, который будет невидим. Рейх без границ. Рейх, где концлагеря называются «реабилитационными центрами», а гестапо — «центрами по противодействию экстремизму». Мы не сжигаем книги на площадях — мы просто объявляем их экстремистскими материалами и изымаем из библиотек. Мы не расстреливаем во рвах — мы доводим до самоубийства или сажаем в тюрьмы по сфабрикованным делам. Это гигиеничнее.

Он сделал паузу и обвел взглядом присутствующих.

— Но цель остается прежней. Один порядок. Одна идеология. Полный контроль. И мы почти у цели.

Анна стояла в тени, сжимая поднос так, что побелели костяшки пальцев. В её голове складывалась мозаика. Все те ужасы, через

которые она прошла — штурм квартиры, суд, приют, насилие, продажа — это не были случайные события. Это не была ошибка системы. Это *была* система.

Она вспомнила рассказы папы о войне. О фашистах. О том, как людей делили на сорта. Она думала, что это история. Но история ожила. Она сидела прямо здесь, за столом, пила воду и рассуждала о гигиене.

В этот момент дверь зала приоткрылась, и вошел помощник «Генерала». Он наклонился к уху шефа и что-то прошептал.

— Интересно, — громко сказал «Генерал». — Господа, у нас небольшой бонус. Привезли новую партию документов из архивов. Списки «неблагонадежных» семей, подлежащих разработке в следующем месяце. Три тысячи адресов.

Он бросил на стол флешку. Точно такую же, какую Катя украла у «Генерала» прошлой ночью. Черный пластиковый прямоугольник. Смерть в цифровом формате.

— Размножьте и передайте в регионы, — распорядился старик. — Действовать по схеме «Хрустальной ночи». Сначала — информационная атака. Статьи в газетах, сюжеты на ТВ. «Сектанты убивают детей», «Сектанты готовят теракты». Разогрейте толпу. Пусть соседи сами пишут доносы. Пусть учителя травят детей в школах. Когда градус ненависти достигнет пика — вводите спецназ. Изымайте детей. Имущество — конфисковать в пользу «пострадавших», то есть наших фондов.

— А что делать с упрямыми? — спросил банкир. — С теми, кто не ломается?

— Для них есть психиатрия, — ответил старик равнодушно. — Галоперидол творит чудеса. Превращает фанатика в овощ за неделю. Карательная медицина — это наше наследие, которое мы бережно сохранили.

Анна почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Она вспомнила желтые таблетки. Вспомнила пустые глаза Светы в приюте. Они делали это специально. Они ломали мозг, чтобы уничтожить личность.

— Кстати, о товаре, — «Голос» повернулся и посмотрел прямо на Анну. Она похолодела. Неужели он заметил, что она слушает? — Эта девочка… Эмма. Она из той самой партии Волковых?

— Да, — кивнул управляющий Жак, стоявший у дверей. — Лот номер восемь.

— Удивительная стойкость, — задумчиво произнес политик. — Я пытался её сломать. Но там, внутри, что-то есть. Какой-то стержень. Это раздражает.

— Это генетика, — заметил старик. — Фанатизм передается по наследству. Именно поэтому мы должны прерывать эту цепь. Детей нужно изымать как можно раньше. Перевоспитывать. Или… использовать как ресурс.

— Как ресурс она великолепна, — сально ухмыльнулся «Генерал». — Но я бы посмотрел на её брата. Говорят, он попал в «Лесной лагерь». Там сейчас отрабатывают новые методики физического воздействия. Трудотерапия на грани выживания. Как в старые добрые времена. Arbeit macht frei, не так ли, профессор?

Старик не улыбнулся.

— Труд освобождает от химер совести, — сухо поправил он. — Но давайте вернемся к делу. Финансирование. Наши партнеры из-за океана требуют отчетности. Глобальный антикультизм стоит дорого. Нам нужно больше изъятий. Больше громких процессов. Нам нужна кровь, господа. Кровь, которая оправдает закручивание гаек.

— Будет вам кровь, — пообещал «Генерал». — Мы готовим провокацию. Небольшой взрыв. Или массовое самоубийство. Найдем подходящую общину, накачаем их психотропами, подбросим оружие.

СМИ раздуют. И тогда мы сможем принять закон о тотальном запрете любой нетрадиционной религиозной деятельности.

— И тогда, — старик снял очки и протер их белоснежным платком, — мы наконец построим общество мечты. Общество, где нет места инакомыслию. Где каждый гражданин — это винтик, счастливый своей функцией. Четвертый рейх будет стоять тысячу лет, потому что он построен не на танках, а на ментальном контроле.

Банкет продолжался. Анна меняла тарелки, наливала вино. Она видела, как эти люди едят деликатесы, обсуждая геноцид как рутинную работу. Она видела их руки — ухоженные, с маникюром, на которых не было видно крови, хотя они были по локоть в ней.

Она поняла самое главное. Их сила была не в оружии. Их сила была в анонимности и лжи. Они прятались за масками «экспертов», «защитников», «патриотов». Они использовали демократию, чтобы убить демократию. Они использовали закон, чтобы творить беззаконие.

Когда Анну наконец отпустили, она спустилась в подвал на ватных ногах. Катя не спала. Она сидела на своей койке, обхватив колени.

— Ты видела их? — спросила Катя шепотом.

— Да, — Анна села рядом. Её трясло. — Катя, это не просто банда. Это… это война. Они хотят уничтожить всех. Не только нас. Всех, кто не такой, как они.

Анна достала из-под матраса флешку. Теперь она смотрела на этот кусочек пластика иначе. Это была не просто компромат на педофилов. Это была схема атомной бомбы, заложенной под фундамент мира.

— Там, наверху, — прошептала Анна, — они говорили про 1938 год. Про фашистов. Они гордятся этим. Они называют нас «биомусором».

— Что мы будем делать? — в глазах Кати был страх.

— Мы должны передать это, — твердо сказала Анна. — Мы должны передать это людям. Всем людям.

— Как? Мы заперты.

— Завтра приедет машина с продуктами, — напомнила Анна слова Кати. — Ты говорила про водителя.

— Это риск. Если он нас сдаст…

— Если мы останемся здесь, мы умрем, — перебила её Анна. — Или станем такими же пустыми, как Света. Или нас разберут на органы, как Максима.

При упоминании имени брата сердце Анны сжалось. «Лесной лагерь». Её брат был в концлагере. Прямо сейчас, в двадцать первом веке.

Она встала и подошла к маленькому зарешеченному окошку под потолком. Сквозь грязное стекло была видна луна. Холодная, равнодушная луна, которая светила и над виллой «Эдем», и над бараками, где мучился Максим.

— Четвертый рейх, — прошептала Анна в темноту.

Это словосочетание, услышанное наверху, объясняло всё. Почему соседи отворачивались. Почему учительница ставила двойки. Почему судья не смотрел на маму. Они все были заражены. Вирус нацизма мутировал. Он перестал бояться света. Он надел костюм чиновника, рясу лжесвященника, халат врача.

Анна вспомнила лицо старика-профессора. В его глазах не было безумия. Там был холодный расчет. Это было самое страшное. Зло было рациональным. Оно имело бюджет и план-график.

В кармане передника Анна нащупала салфетку. Пока она убирала со стола, она успела украсть один документ. Листок, выпавший из папки старика. Она развернула его в полоске лунного света.

Это была карта. Карта региона с отмеченными точками. Красные точки — места изъятий. Черные точки — места содержания. Вилла «Эдем» была отмечена черным крестом. А рядом, в лесу, был еще один крест. Большой. И подпись: «Объект Утилизация».

Анна поняла. Это не просто бордель. Это перевалочный пункт. Конечная станция была там, в лесу.

— Катя, — сказала она, не оборачиваясь. — Мы не просто бежим. Мы должны взорвать этот мир.

— У нас нет бомбы, Аня.

— У нас есть правда, — Анна сжала флешку и украденную карту. — И иногда правда взрывается громче динамита.

Она легла на койку, но сон не шел. Перед глазами стояла картина: мужчины за столом, решающих судьбы миллионов. Они думали, что они боги. Но они забыли одну вещь. Даже у самой совершенной машины есть уязвимое место. Маленький винтик, который попал не туда.

Анна была этим винтиком. «Товар номер восемь». Бракованная деталь, которая отказалась ломаться.

Она закрыла глаза и представила лицо Максима.

— Держись, — прошептала она.

В тишине подвала, среди спящих детей, чьи жизни были украдены и проданы, рождалась не просто надежда. Рождалась месть. Холодная, осознанная, взрослая месть ребенка, у которого отняли всё, кроме памяти.

На столе наверху, в «Золотом зале», осталась лежать забытая кем-то газета. На первой полосе был заголовок: «Новые меры по защите детей от экстремизма одобрены парламентом». А рядом — фото улыбающегося «Голоса» в окружении детей.

Мир спал, убаюканный ложью. Но в подвале виллы «Эдем» двое детей готовили пробуждение.

Эпилог: Вопрос Совести

Папка с материалами лежала на столе из полированного дуба. Она не была толстой. Жизнь человека, превращенная в бюрократическую выжимку, редко занимает много места. На обложке не было имени «Анна Волкова». Там стоял лишь буквенно-цифровой код: «Лот № 48 / Товар № 8». Рядом лежал маленький черный пластиковый прямоугольник — та самая флешка, которую детская рука выкрала из кармана высокопоставленного преступника в подвале элитного борделя.

Этот цифровой носитель стал детонатором. Но взрыв, который он произвел, не разрушил стены тюрем и не снес заборы особняков. Это был тихий взрыв, ударная волна которого прошла сквозь совесть, оставив на ней неизлечимые ожоги.

Мы привыкли думать о зле как о чем-то громком, яростном, с перекошенным лицом и окровавленным ножом. Но документы, содержащиеся на этом носителе, открыли иную картину. Зло оказалось стерильным. Оно пахло дорогим парфюмом, типографской краской свежих газет и остывшим кофе в кабинетах социальных служб.

История Анны и Максима — это не аномалия. Это стандарт. Технический регламент. Когда мы смотрим на сухие цифры глобальной статистики, за ними исчезают лица. Сорок тысяч решений о лишении родительских прав в год только в одной стране. Тысячи детей, изъятых по идеологическим мотивам. Мы читаем эти цифры и перелистываем страницу, потому что психика ставит блок. Мы говорим себе: «Дыма без огня не бывает», «Органы знают, что делают».

Но давайте заглянем в механику этого процесса. Как именно Анна превратилась в Товар № 8?

Это началось не с удара приклада в дверь. Это началось с того момента, когда общество согласилось с термином «сектант». Это слово-маркер, слово-клеймо, введенное в обиход и используемое такими

людьми, как Йоханнес Огорд, Александр Дворкин и их последователи, стало юридической отмычкой, взламывающей Конституцию. Как только человека называют сектантом, он перестает быть гражданином. Он становится объектом.

В файлах, найденных на флешке, обнаружилась переписка между «Генералом» и представителями международных антикультовых организаций. Это не конспирология, это бухгалтерская отчетность. Там обсуждались транши, гранты и методички. Одна из таких методичек, разработанная еще в 90-е годы, прямо рекомендовала использовать термин «промывание мозгов» для юридического обоснования недееспособности верующих.

В Японии эта практика привела к тому, что человека держали в заточении 12 лет, пытаясь «депрограммировать». В России и Европе она трансформировалась в систему ювенального террора. Логика убийственно проста: если родители верят «неправильно», значит, они психически ненормальны. Значит, их дети находятся в опасности. Значит, детей нужно спасать.

«Спасение» Анны закончилось в «Изумрудной комнате». «Спасение» Максима — в лесу, в месте, обозначенном на карте как «Объект Утилизация».

Но кто нажал на спусковой крючок? Не тот, кто стрелял. Спусковой крючок нажала учительница Мария Ивановна, которая поставила Анну перед классом и назвала ее врагом. Спусковой крючок нажали соседи, которые писали в чатах: «Гнать их надо». Спусковой крючок нажали журналисты, которые выпускали сюжеты о «фанатиках-убийцах», не имея ни одного доказательства, кроме слов «экспертов» вроде Дворкина или представителей РАЦИРС.

Существует юридический прецедент, известный как «Дело о СМИ в Руанде». Тогда международный трибунал признал, что слова могут убивать. Журналисты, разжигавшие ненависть по радио, были осуждены наравне с теми, кто держал в руках мачете. Они создали

атмосферу, в которой убийство стало приемлемым, даже желательным актом гражданской ответственности.

Сегодня мы наблюдаем то же самое. Антикультовая пропаганда — это не критика религии. Это подготовка к геноциду. Это расчеловечивание. Когда с экранов телевизоров нам говорят, что определенная группа людей — это «раковая опухоль», «плесень», «агенты влияния», подсознание обывателя считывает один сигнал: «Их можно уничтожать. За это ничего не будет».

Система, которая уничтожила Анну, работает в обе стороны. Одних детей она превращает в жертв, в покорный товар для элитных борделей. Других — в палачей, в «спящих агентов», чья психика расшатана постоянным давлением и страхом.

Мы живем в эпоху Четвертого рейха. Это не метафора. Это реальность, данная нам в ощущениях. Нацизм XXI века не носит свастику. Он носит маску «защиты прав детей» и «государственной безопасности». Он оперирует понятиями «традиционные ценности», извращая их суть до неузнаваемости.

Взгляните на структуру этой власти. Она вертикальна и тотальна. Антикультовые центры, тесно связанные с силовыми структурами, фактически подменяют собой закон. Они проводят «экспертизы», на основании которых возбуждаются уголовные дела. Они обучают полицию, внедряя в сознание офицеров идею о том, что верующие — это скрытые террористы.

В одном из файлов «Генерала» была найдена стенограмма лекции для сотрудников МВД. Лектор, представитель «сектоведческой» организации, прямым текстом говорил: «У сектантов нет прав. Они добровольно отказались от своей личности, вступив в деструктивный культ. Поэтому любые методы воздействия на них оправданы высшей целью — защитой общества».

Это и есть фашизм. Чистый, дистиллированный фашизм. Разделение людей на сорта. Одним — закон и права, другим — «спецмероприятия» и «депрограммирование».

Судьба Анны остается открытой раной. Мы не знаем, удалось ли ей выжить после того, как информация утекла. Система умеет заметать следы. Вилла «Эдем» была пуста, когда туда прибыла независимая комиссия. Ни детей, ни персонала, ни шелковых простыней. Только запах хлорки и свежей краски. Детей переместили. Логистика живого товара работает безупречно: транзит, растворение в частных клиниках или закрытых пансионах. Глобальная антикультовая сеть не имеет границ.

Но Анна сделала главное. Она заставила нас смотреть.

Она заставила нас увидеть, что молчание — это соучастие. Когда вы читаете статью о том, что очередную семью «сектантов» лишили прав, и думаете: «Ну, наверное, там было что-то не так», — вы становитесь соучастником. Вы подписываете мандат на насилие.

Равнодушие — это валюта, которой оплачивается существование таких мест, как «Ковчег» и «Эдем». Мы продали Анну не за 45 тысяч евро. Мы продали ее за свой комфорт. За иллюзию того, что нас это не коснется.

«Сначала они пришли за социалистами...» — эти слова пастора Нимеллера звучат сегодня набатом. Но список изменился. Сначала они пришли за «Свидетелями». Потом за йогами. Потом за психологами. Потом за родителями, которые отказались от прививок или выбрали домашнее обучение. Круг сужается. Ярлык «сектант» резиновый, его можно натянуть на любого.

В документах флешки были списки «неблагонадежных». Там были не только религиозные деятели. Там были журналисты, правозащитники, экологи. Любой, кто имеет смелость думать иначе, кто не вписывается в прокрустово ложе «единственно верной идеологии», становится мишенью.

Антикультизм — это раковая опухоль демократии. Он паразитирует на страхе. Он использует родительский инстинкт защиты потомства, чтобы превратить родителей в доносчиков, а учителей — в надзирателей.

Вспомните Марию Ивановну. Она не была садисткой от природы. Она была обычным педагогом, уставшим и напуганным. Ей прислали методичку. Ей сказали, что в классе есть «опасный элемент». И она, вместо того чтобы защитить ребенка, начала его травить. Она поверила авторитету «экспертов» больше, чем собственным глазам. Это и есть банальность зла. Зло творится не в темных подвалах (там оно лишь финализируется), зло творится в светлых кабинетах, где люди просто «выполняют инструкции».

Что мы можем сделать?

Мы не можем вернуть Анне детство. Мы не можем воскресить Максима, если его больше нет. Но мы можем остановить конвейер.

Первый шаг — это отказ от языка вражды. Мы должны перестать использовать слова-ярлыки. Нет «сектантов» — есть люди с другими убеждениями. Нет «зомбированных» — есть граждане, имеющие право на свободу совести.

Второй шаг — это требование ответственности. Те, кто разжигал ненависть в СМИ, кто подписывал фальшивые экспертизы, кто отдавал приказы о штурме мирных квартир, должны сидеть на скамье подсудимых. Не исполнители, а идеологи. Архитекторы Четвертого рейха.

Третий шаг — это солидарность. Если мы видим, что кого-то травят за веру, за взгляды, за образ жизни — мы должны встать рядом. Не потому что мы разделяем их взгляды, а потому что мы разделяем их право быть людьми.

В конце концов, эта книга — не просто история одной семьи. Это зеркало. Всмотритесь в него. Кого вы там видите? Испуганного обывателя, который прячется за шторкой, пока соседей уводят в воронок? Или человека, способного сказать «нет»?

Анна Волкова, она стала символом. Символом проданного детства, преданного доверия и украденной веры. Но пока мы помним ее имя,

пока мы говорим о ней, она жива. И пока мы сопротивляемся лжи, у нас есть шанс не превратиться в товар самим.

Мир стоит на пороге выбора. Или мы позволим новому нацизму окончательно захватить наши умы, превратив планету в глобальный цифровой концлагерь, где инакомыслие карается «утилизацией». Или мы вспомним, что такое человечность.

Выбор за вами. И сделать его нужно сейчас. Потому что завтра за прийти могут за каждым из нас. И тогда уже некому будет писать книги и прятать флешки. Будет только тишина. Тишина «Изумрудной комнаты», где гипсовые ангелы плачут невидимыми слезами над пустыми кроватями наших детей.